

Анатолий Байбородин

ДЕРЕВЕНСКИЙ БУНТ

или как в селе Ботало американцев надули

Богатый колхоз имени Ильи Муромца на воровском закате прошлого века махом обнищал, пошел по миру с христорадной сумой, и в сибирском селе Ботало избы на глазах одряхлели, небом крытые, светом гороженные; лишь красовались, словно крали на выданье, хоромы лавочников, шинкарей и шинкарок, торгующих паленым пойлом, что ласково величали паленка, катанка. И даже брусовой правленческий барак с палисадом, где томилась на солнце скучная березка, обветшал, врос в землю, и облупилась зеленая краска.

Но председатель, держа нос по ветру, переименовал колхоз из «Ильи Муромца» в «Алена Далеса». Вывеску, еще не закрепив, повесили на штaketник возле «Доски почета», а на доске той почетной величались: председатель колхоза Варнак Горынович Продайземля, с топорно рубленным, бульдожьим лицом и в кепке с гербом США; бригадир Илья Егорович Громобой, потунгусски скуластый, прищуристый, в синем берете и черной рубашке, отпахнутой на груди, откуда выглядывает тельняшка; ветеринар Агдам Фрейдович Бухло, тощий, но губастый и носастый, с бородкой, похожей на прибитый инеем пук ковыли, в широкополой черной шляпе и круглых очёчках; козел Борис Обалдуй, в соломенной шляпе, из которой торчат рога, и при галстукe, а на пиджаке – крупный значок в виде красного знамени с серпом и молотом.

В селе Ботало серый летний вечер. На лавке возле правления посиживал колхозный конюх Бухтин Мартемьян Иванович, приземистый, ладный старик, заросший сизым мхом, в сплюсненной кепке, сдвинутой на кустистые, инистые брови, из-под коих озорно посвечивали мелкие, голубенькие глазки. Позванивая уздой, дед Бухтин напевал:

Вруша по воду ходил,
В решете воду носил,
Помелом в избе метал,
Медведя за уши держал...

К правлению колхоза раскачистой походкой ...служил в морской пехоте... весело насвистывая, подчалил Илья Громобой; бригадир по теплу был в полосатой майке, вроде тельняшки-безрукавки, в голубом берете, кирзовых сапогах и с гармонью подмышкой.

– Здорово, Мартемьян Иванович, – бригадир пожал старикову руку.

– Здоровеньки булы, Громобоюшко.

Бригадир с добродушной усмешкой крутанул пальцем у виска:

– Ты чего, дед, уже того, сам себе байки заливаешь?..

– Зубам брякам, не скучаю, – подмигнул дед Бухтин. – Баюют, даже мухи мрут от скуки.

Бригадир уместил гармонь на лавку и, осуждающе покосившись на конюха, усмехнулся:

– Тут, паря, пошла жись, помирай ложись, а тебе всё хиханьки да хаханьки. Впору за кулаки хвататься. А ты зубами брякаешь, бухтины¹ заливаешь, верно, что дед Бухтин.

Конюх, вздохнув, помотал головой:

– Не-е, Громобоюшко, любит русский мужик потешить душеньку веселой байкой даже о лихую пору. Да... Чтоб не спеклась душа в унылости... Не все же, паря, слезьми уливаться, кулаками махаться... Да и беда со смехами посильна... Ты, Ильюха, лучше погляди, чо наш присидатель утварил, – конюх ткнул пальцем на вывеску, прилаженную к штaketнику, где на фоне полосатого американского флага было жирно выведено: «Скотоводческий колхоз имени Алена Далеса».

---

¹ Бухтина – байка.

Бригадир читал и перечитывал, почесывая затылок, качая головой. А тем временем к правлению колхоза топал Борька Обалдуй ...походочка, что в море лодочка... и в руках козла болтался махонький магнитофончик; а рядом, лихо накручивая стегном, плыла коза Ада, туго затянутая в джинсы и оранжевую футболку со знаком молнии на животе, как на столбах высокого напряжения, и надписью «Не влезай – убьет!»

У Борьки Обалдуя и Ады козьи лишь головы с рогами да задние копыта; прочее – человечье. Лоняшним летом Агдам Фрейдович Бухло, колхозный ветеринар, по американской инструкции оскотинивал собутыльника, чтобы потом оскотинить колхозников, но собутыльник не оскотинился, – ночью, когда Агдам Фрейдович метался в хмельном бреду, забрал четверть со спиртом и смотался. По той же американской бумаге ветеринар, по кличке Конский врач по женским болезням, приступил к очеловеченью скотины: козла Борьку, козу Дерезу и козу Аду обращал в людей, но тут из Америки подкинули гуманитарного спирта, Конский врач принял лишка на грудь и спутал молекулы, отчего у скотины передние ноги, туловище вышли человечьи, а головы и задние ноги – скотские. Но болтали, ели, пили, опять же, по человекевчьи... Не вполне очеловеченная скотина по-первости страдала ...к одному бы уж краю... а потом вжилась в безобразные облички.

– Тонкий шрам на любимой попе, рваная рана в моей душе... – напевал Борька Обалдуй, подходя к правлению колхоза, а коза Ада, приникая к козлу, нежно подпевала:

– Я тонкая твоя веточка, я твоя любимая девочка, я девочка твоя ненаглядная, а любовь у нас шоколадная...

Приметив возле правления бригадира и конюха, козел Борька, обернувшись к Аде, прижал палец к губам:

– Нишкни, Ада! Послушаем, кого чума красно-коричнева супротив демохратов удумала

Коза Ада, отмахнувшись, опять запела:

– С демократами гуляла — мальчики угарные: расплатились со мною чеками товарными... Брось ты, Боб, это чмо ...лохи... лучше оттянемся. Косячок забьем... Человек с юга прикатил... Анаша Героиныч... Крутую травку подогнал... Бабки есть?

Козел Борька свирепо глянул на Аду:

– Поддувало прикрой, имануха... Послушаем, чо мужики удумали...

Парочка притаилась за углом правления, подслушивая разговор мужиков. А какие разговоры?! Конюх, тыча корявым пальцем в странную вывеску, ругался:

– Всё по-новому да по-новому, а когда по-доброму?.. Это чо же дется на белом свете, Громобуюшко?! Эт какой же варнак эдаку срамотишу-то повесил?! Был же «Илья Муромец», тезка твой, а теперичи... тьфу! – конюх смачно плюнул через левое плечо, где бес незримо утер плевков с хари. – Тьфу!.. без бутылки и не выщепчешь.

Бригадир горячо, запалчиво пояснил:

– Какой варнак?! Дак наш варнак выкамариват – Продайземля Варнак Горыныч, присидатель, чтоб у его рог на лбу выскочил!.. Совсем с ума сдурел...

Конюх, вздыхая, согласно покивал головой:

– Насчёт присидателя я, Илья, так скажу: был же мужик как мужик. Безбожник, конечно. Любил крепко выпить, хайло распазить, а так вроде и ничо. Но-о, паря, как в Америку скатал, вроде подменили мужика – рехнулся. То ли от породы был чурка с глазами, то ли на его в Америке хомут одели – извередили нашего Варнака, порчу навели... Вот у него, паря, и чешется всё в колхозе на американский лад переладить.

– Во-во, колхозников разогнать, а колхоз прихватизировать... фармазон же. Но мы его в правлении маленько поучили... орясиной², которой ворота подпирают и людей угощают. Ты же, дед, слышал, как мы Варнака поучили... Едва, паря, оклемался. Притих вроде. Затаился...

– А лицом-то, паря, стал пошибать на Президента нашего, и ревет похоже. Губан такой, ничо ему, паря, не скажи; рывкает как зверь и волком зырит... Да-а-а, носили лапчи, недели шляпчи... Деньги есть – Иван Петрович, денег нет – паршива сволочь... Да это ишо, паря, Бухло, причиндал евойный, сомушат Варнака насчет Америки. Из одной квашни вышли... Наш Конский врач по женским болезням давно уж в Америку лыжи наострил... Громобуюшко, а что это за птица эдакая: Ален Далес?.. Балбес на избу залез...

– Не, паря, не балбес, хмырь американский, – бригадир осерчало махнул рукой в сторону Америки. – Удумал, волчара, Россию угробить...

– Во-во, я и почуял, паленым пахнет, американец дак...

Бригадир, о чем-то подумав, вдруг озаренно хлопнул себя по лбу:

---

² Орясина – жердина.

– Я чо думая, Мартемьян Иванович, а не устроить ли нам деревенский бунт?..

– Бунт?! – конюх испуганно выпучил глаза, разинул рот в диве, но потом форсисто подбоченился, выгнул петушинную грудь и, горделиво откинув голову, глянул в сторону Америки грозным оком. – Эт мы могём!.. эт мы махом...

– Для почина скинем-ко мы, дед, поганую вывеску... – бригадир содрал со штакетника «Алена Далеса» и велел деду. – На, дед, заховай подальше, чтоб Варнак не надыбал.

– Припря-ачу, ни одна собака не учухает.

– Но куда черти «Муромца» заховали?

– Не переживай, Ильюша, счас и «Муромец» будет. Я же, паря, вынюхал, куда ее сунули. Присидатель с Конским врачом орудовали...

– Ну ты, дед, цэрэу³ ходячее.

– Слава Богу, не лежачее... Цэрэу?.. Бери повыше – гру⁴...

Бригадир поморщился:

– Ладно, дед, хва языком трепать, тащи-ко вывеску.

Конюх, ухватив «Алена Далеса», не по-летам прытко посеменял в конторский двор, примыкающий к бараку с тыльной стороны. На отшибе двора, заросшего колючим пыреем и лиловым чертополохом, чернел сколоченный из горбыля, ветхий сарай, примыкающий к дровеннику. Вернулся дед Бухтин с вывеской, где на крапленном листовом железе матёрыми буквищами было начертано: «Скотоводческий колхоз имени Ильи Муромца».

– Эх, по мне дак имени бы Сталина, – вздохнул бригадир.

– Оно бы, Ильюша, и ладно... Да лучше гусей не дразнить. Пока... Дак, опять же, нам, деревенским, Илья Муромец поближе будет, – из крестьян же; это уж потом, паря, – казачий атаман... А упокоился в пещере Киево-Печерской, в святом чине ангельском...

– Это ишо чо за чин?.. Не слышал, паря...

– Монашеский...

– А-а-а... – бригадир удивленно и почтительно глянул на деда Бухтина. – Ишь ты, вон оно чо... И откуль прознал?! Вот те и дед Бухтин.

Конюх с лукавой скромностью потупил глаза:

– Книжечки почитывам... Ты же, паря, в клубе Есенина читал, и мы почитывам...

– Ладно, книжечей, тащи молоток и гвозди, старое имя приколотим...

– Айн момент, Ильюша, будут гвозди, будет молоток.

Конюх опять завернул за угол и притащил из сарая молоток и гвозди.

– Так приспособачим, хрен оторвут... – посулился бригадир, поигрывая молотком. – Подержи-ко, дед...

Конюх покрестился на Илью Муромца – преподобный же:

– Ну, святой отче Илия, моли Бога о нас грешных...

Когда приколотили к штакетнику новую вывеску, довольно оглядели дело рук, и конюх опять перекрестился:

– Господи, благослови... Может, Ильюша, и наладится жизнь; может, и заживем по-божески, по-русски...

А тем временем козел Борька подсматривал из-за угла и осудительно мотал рогами:

– От две чумы красно-коричневы...

Коза Ада брезгливо поморщилась:

– У лохов фишку клинит...

* * *

А мужики, налюбовавшись на «Илью Муромца», чинно уселись на лавку подле палисада, и бригадир, развернув гармонию, заиграл, запел:

Я в Америке бывал,
Всяку нежить повидал.
Отгуль кикиморы и воры,
Сеют по миру раздоры...

³ ЦРУ – центральное разведывательное управление в США.

⁴ ГРУ – государственное разведывательное управление в России

Конюх озорно похлопал по груди, по бокам, вроде приплясывая сидя, а потом ворчливо укорил бригадира:

– Вот ты, Ильюша, меня попрекаш: дескать, я байки заливаю, когда пошла такая жись, хоть помирай ложись... А и сам, вижу, с гармошкой не растаёшься. Спишь с гармошкой...

Бригадир стеснительно улыбнулся:

– У меня баба есть ... Ты, дед, телевизор-то глядишь?

Конюх глянул на бригадира удивленно:

– Какую холеру там глядеть?! Скотобойню?.. Кровь из телевизера хлещет, как из ведра... А то – кобели да сучки и собачьи случки... Тараторку сочинил про телевизор, – конюх жиденьким, сиплым голоском задиристо вывел:

Телевизор сотона,
Америка проклятая,
Развратили молодежь
Ни в чем не виноватую...

– Но хошь вестя-новостя-то глядишь?

Конюх, кисло сморщившись, махнул рукой:

– А-а-а, брехня собачча... Наше елевиденье нагородит семь вёрст до небёс и всё лесом, на добром коне не объедешь... Голова на раскоряку... Да и телевизор баушка уханькала... От, паря, ревнивая, язви ее в душу. С греха с ей пропал... Помню, врубил... Думал, может, путнее кино, про жись чо... А там кобель американский и сучка французская с жиру бесятся, а мы, дураки, гляди... И не разберешь, паря, ни спереди, ни сзади: баба ли, мужик ли?.. Вот так нарвешься... Хотел уж вырубить, а тут баушка в избу зашла... коров доила... в телевизор, паря, глянула и хайло распазила: ах ты, сивый мерин, на срамных девок зарисься!.. Хвать из ступы медный пестик, да в телевизор и зафитилила... Я ей в сердцах: «Ты кого, дура, творишь?! Телевизер денег стоит, а у нас с тобой шиш и полшиша... Ты кого ревнуешь?! Вспомни, сколь нам годов... А старуха, мол, видела по телевизеру: у старого артиста песок сыпется, а жанилси на молоденькой артисточке, и ребенчишко родили... «Да ему, – говорю, – может, подсобили...» А старуха как накинется, ревет лихоматом: ты, мол, кого буровишь поганым языком?! хреста на тебе нету. Ты, мол, пошто гресишь на доброго человека?!" Вот и балакай с ей, ежели у ей ума, что у куры-дуры. Волос долгий, а ум короткий... От скуки разругались в пух и прах...

Дед про семейную жизнь долго бы еще бухтел ...Бухтин же... но бригадир осадил старика:

– Ладно, старый, успокойся; милые бранятся, тешатся ... А скажи-ко мне, дед: ты передачу «Играй, гармонь» видал?

– Видал... – обиженно передразнил конюх. – Дак я «Играй, гармонь» и глядел, пока старуха телевизор не уханькала... Теперичи, Илья, как учухаю «Играй, гармонь», к соседу рысю, у его телевизор живой. А Геннадий-то Заволокин, Ильюха, – геро-ой...

– Герой... – бригадир, оглянувшись вокруг, тихо известил деда. – Я чо, паря, за гармонь-то взялся?.. – бригадир смущенно покашливая, пуще убавил голос. – «Играй, гармонь» вот-вот нагрянет в город. И сам!.. – бригадир вознес палец к небесам, – сам Геннадий Заволокин...

Конюх удивленно выпучил глаза.

– Но-о?..

Бригадир чиркнул пальцем по горлу:

– Башку даю на отсечение!.. Гадам буду... Начальство уже гармонистов шукает... Наш-то Горыныч отбрехался, говорит: «Одне дураки играют на гармошках... В США сроду на гармошках не играют, дак и умные...»

– Конский врач подучил... Его рука... Вот блядины дети-то, а!.. «Играй, гармонь» им поперек дороги встала...

Бригадир, блаженно глядя за вечереющую околицу, вздохнул:

– Хочу я, Мартемьян Иваныч, попробовать... Попыток — не убыток. Парнем-то, бывало, и в клубе играл... Да вот, паря, беда, — бригадир сокрушенно вздохнул. – Давненько я, дед, гармошку в руки не брал. Пальцы худо гнутся.

Конюх махнул рукой:

– Ничо-о, Громобоюшко, ничо-о, разыграшся, и пальцы разогнутся. И разогнутся и разбегутся... Я же помню, в клубе-то наяривал... Ежели чо, Ильюша, ежели оробеешь, выпей для храбрости... А ну-ко, Громобоюшко, сыграй-ко нашу...

– Нашу?.. Можно и нашу.

Бригадир набросил на плечи ремни, подобрал на гармонии мелодию и запел, а конюх подтянул:

Жил я у пана по первому лету,
Нажил я у пана курочку за это...
Наша курочка....
Эх, по двору ходит, цыплят своих водит...

Конюх слетел с лавки и, помахивая, побрякивая уздой, стал приплясывать, выворачивая затейливые коленца.

Жил я у пана по второму лету,
Нажил я у пана козочку за это.
Наша козочка
Эх по двору ходит,
Козлят с собой водит...

Вихлеватой походкой ...похоже, под мухой... к мужикам подошел ветеринар Агдам Фрейдович Бухло, в круглых очёчках, малорослый, тощий, но губастый, носастый, с бородкой, похожей на мочалку из липового лыка, что шиньгали⁵, шиньгали и повышиньгали. Хотя пекло солнце, ветеринар был в долгополом, черном плаще, широколой черной шляпе, и от черного облачения хилая и сивая бородка блазнилась серебрянной. Еще чудилось, из-под плаща выглядывают и скрипят козлиные копыта... Когда песня про пана иссякла, и конюх отпыхался после пляски, ветеринар, поправив очёчки, вдруг козлиным тенорком запел, а коль медведь на ухо наступил, то дико переврал мелодию:

– «...А в таверне тихо плачет скрипка, успокаивая нервы мне, а твоя распутная улыбка...»
Песня таки!.. а ви шо поете, господа конюхи? А то ви поете, господа конюхи, шо старые дураки пели двести лет назад...

Конюх поздоровался с насмешливым поклоном:

– Конскому врачу по женским болезням наше с кисточкой.

Конский врач, не опускаясь до обид, насмешливо глянул на конюха и присел рядом. Конюх брезгливо помахал возле сморщенного носа:

– Ой, не дыши на меня, Агдам Фрейдыч. Закусывать можно...

Конский врач, поддернув пальцем круглые очёчки, высокомерно ухмыльнулся:

– Дед Бухтин, и шо ви такой нежный, словно барышня?..

Конюх отмахнулся:

– Ой, отвяжись худая жись, привяжись хорошая...

– А шо я хотел спросить Вас, Мартемьян Иваныч, Ваш сын таки скотником и заправляет, быкам хвосты крутит, навоз таки чистит?

– Не ворует, как иные... Не буду пальцем тыкать... В латанном, да не хватанном.

– А шо я Вам скажу за моего сына Моню?.. а я то скажу вам, шо мой Моня уже диссертацию защитил: «Влияние консервативного менталитета русо хомо сапиес на интеллектуальную деграрацию нации...»

Конюх почесал затылок и согласно покивал головой:

– Понял... Дак у нас, Агдам Фрейдыч, в деревне случай был аналогичный: корова шла через дорогу, мыкнула и рога отвалились...

Конский врач с презрением уставился на сивобородого русо хомо сапиес.

– Тоже случай был... – сквозь смех вспомнил бригадир. – Ученый хмырь ...вроде твоего сынка, Агдам Фрейдыч... накатав труд «Влияние духовых инструментов на духовную жизнь духовенства...». А профессор ему резолюции шлёт: «На хрена попу гармошка...»

– Нет... – запалив сигарету, сочувственно покачал головой Конский врач, – шо я до вас хочу сказать?.. А то я хочу до вас сказать, обреченный ви народ. В Америке, Европе – цивилизация, а ви, господа конюхи, как жили в навозе по уши...

Конюх, отмахнувшись от Конского врача, как от назойливой, навозной мухи, попросил бригадира:

– А сыграй-ко, Ильюша, да спой-ко чтой-то эдакое, – конюх, блаженно прищурившись, покрутил пальцами нечто круглое.

⁵ Шиньгать – чесать.

Бригадир стал тихо наигрывать, выгадывая песню, а потом, нащупав, повел мелодию; голос плачущий, глаза с поволокой печали:

Меж высоких хлебов затерялося
Небогатое наше село,
Горе горькое по свету шлялося,
И на нас невзначай набрело...

Конский врач, брезгливо морщась, косился на поющих, жевал сигаретный фильтр, и так затягивался, что щеки слипались, а широкополую черную шляпу кутал сизый чад. Когда песнь испелась, с кривой усмешкой спросил:

– Репетируете?.. Шо, и с этим дебилизмом ви хотите на сцену вылезти?! Мама мия, роди меня взад!.. Ви шо поете?.. а ви то поете, шо орут пьяные старухи на завалинке... А можно же было мозгой пошевелить, – Конский врач крутанул пальцами у виска. – Или у вас шо?.. Или у вас тут одна кость?! – ветеринар постучал кулаком по черной шляпе. – Можно же было выдумать и посовременнее. А то ви, как чукчи: шо вижу, то пою... А есть таки песни... такие песни!.. – ветеринар обморочно закатил глаза, и со свистом поцеловал пальцы, собранные в щепоть, – такие заразительные песни!..

Конюх отшатнулся:

– Нас-то кошь не зарази, а то ить спид свирепствует...

Конский врач поднялся с лавки и, вихляя бедрами, пропел куплет, вернее проговорил речитативом:

Ты иди по жизни смело,
И кому какое дело,
Кто тебе в постели нужен,
Это – секшэн революшэн!..

Бригадир, матюгнувшись в сердцах, сухо сплюнул:

– Тьфу!.. Язык бы вырывал с корнем, кто эту погань в елевизере поет.

Конский врач огрызнулся:

– Шо ви изволили сказать?

– А то изволили сказать, господин Бухло: языки бы с корнем вырвал, кто эти пакости поет!..

Конский врач, схватившись за голову, стал раскачиваться с притворной горечью:

– О, мама мия!.. горе вашему народу!.. уже таки все без языков... И шо я спрошу вас, господа конюхи? А то я спрошу, господа конюхи: отчего русские любят языки рвать?.. и ноздри...

– Дак ежели ворьё, вот ноздри и рвут, – пояснил бригадир.

– Ну, шо я скажу вам?.. а то я скажу вам, дубы ви средневековые. Да... Ваш колхоз как раз и величался: «Илья-а... Му-уромец...» – Конский врач ернически растянул слова. – И шо?.. Тоже дуб дубом, тоже чума красно-коричневая... И добавлю таки, шо вам, пережиткам, на завалинке сидеть да частушки петь, – ветеринар ехидно пропел. – Моя милка, как бутылка...

Бригадир оглядел ветеринара округло:

– Сам ты бутылка. С утра шары залил...

Конский врач, как на митинге, не унимался:

– И шо мы орем?! Шо мы ревим: русская культура, русская культура!.. Я спрошу вас, господа конюхи, где ви таки в России видели культуру?! Покажите, умоляю... – Конский врач, поправив круглые очёчки, прищуристом огляделся кругом. – Но я вам за Америку скажу: в Америке, – да, в Америке – культура. Я вам говорю таки за США... Своими глазами видел, господа конюхи, своими руками щупал. А я бывал в Америке, американскими туалетами интересовался. Любо-дорого зайти, – Конский врач закатил глаза от блаженства и свистяще чмокнул щепоть. – Век бы сидел таки, выходить не охота... Моня говорит, шо в таких туалетах можно жить... Вот это культура, даю башку на отсечение!.. И шо ви там видите? А ви там, господа конюхи, видите и шильце, и мыльце, и салфеточки надушенные. А теперь я спрошу вас, господа конюхи, и шо за культура в России?.. Отвечу, господа: ненецкий гарнитур – две палки, за одну держись, чтоб ветром не сдуло, другой собак отгоняй... Вот вам, господа, и вся русская культура...

Бригадир исподлобья ожег ветеринара злым взглядом:

– Ты, паря, тово!.. ты, Конский врач по женским болезням, много-то из себя не воображай. А то ить я контуженный в Афгане, у меня и справка есть. Стебану промеж рог...

Конский врач испуганно отпрянул:

– И шо ви такие нервные?! Шо ви такие нервные?! Спohмелья таки...

Бригадир, который в досельную пору со сцены почитывал стихи, чаще Есенинские, и нынче вспомнил:

– Читал я, паря, у Есенина... Там один тип описан, навроде тебя, а в натуре – Троцкий...

Бригадир потер лоб, подумал и вспомнил:

– Короче, сперва Замарашкин, красноармеец, говорит Чекистову: «Слушай, Чекистов!.. С каких это пор, ты стал иностранец? Я знаю, что ты еврей, фамилия твоя Лейбман, и чёрт с тобой, что ты жил за границей...» А Чекистов ...вроде Троцкий... отвечает: «Ха-ха! Нет, Замарашкин! Я гражданин из Веймара и приехал сюда не как еврей, а как обладающий даром укрощать дураков и зверей. Я ругаюсь и буду упорно проклинать вас хоть тысячи лет, потому что... потому что хочу в уборную, а уборных в России нет. Станный и смешной вы народ! Жили весь век свой нищими и строили храмы Божии... Да я б их давным-давно перестроил в места отхожие...»

Конский врач поморщился, словно сглотил кислого, но спорить не рискнул: у конюха язык крапивный, а у бригадира кулаки пудовые.

– Ладно, я пошел. Да, кстати, господя конюхи, завтра – правление колхоза. Спросите, шо за повестка дня? А повестка дня: искусственное осеменение скота и как нам таки покрыть Демократку.

Конюх, задумчиво глядя на ветеринара, проразмыслил вслух:

– А ты бы мог покрыть, господин Бухло?

– Кого?

– Корову... Кобылу Демократку...

– Похабник ты, дед Бухтин... – бригадир сплюнул. – Седина в бороду, бес в ребро?

– Какой бес, Илюха?! Какое ребро?! Я это самое, я хотел спросить: а может, ветеринар из колбочки покрыть. Хотел...

– Хотел да вспотел...

Конский врач засмеялся:

– Из колбочки... Не смешите миня... Шо я вам скажу?.. а то я вам скажу, господа конюхи, я бы таки мог... из колбочки, как ви изволите выражаться. Но это ж вчерашний день – искусственное осеменение. Вчерашний таки день... Наука ...американская таки... далеко от колбочки шагнула... Третьего дня наш председатель получил таки рекомендацию от нашего дорогого американского руководства. И шо американцы пишут?.. А то американцы пишут, шо надо резко сократить поголовье скотов, русских баб и мужиков. А элитных кланировать. Чтoб дебилов не плодить и удоиное стадо народить.

Бригадир попросил уточнить:

– Кланировать?.. Это как?..

Конский врач, покачивая головой, цокая языком, вздохнул: мол, дети степей.

– Дикий ви народ... Поясняю таки... Шо мы делаем?.. А то мы делаем: берем клетку у деда Бухтина, а из этой клетки растим таки второго деда Бухтина...

Конюх сунул под нос Агдама Фрейдыча сухонький кукиш:

– Накоси, выкуси!.. Ишь разбежался... Я что, дурак, разбрасываться клетками?! Трохи е, да самому сгодятся.

Конский врач, усмехнувшись, утешил конюха:

– Шо Ви переживаете, дед Бухтин?! Шо Ви переживаете?! Я ж таки для примеру... Спросите миня: кому нужны Ваши клетки?.. И я Вам отвечу: никому, ибо Ви интеллектуальный ноль, к тому же Ви пережиток царизма и социализма... А шо нам Европа и Америка велят?.. А Европа и Америка велят нам, чтобы размножали тех, у которых тут кое шо водится, – ветеринар постучал кулаком по черной шляпе, под которой, очевидно, умная голова, – и которые современно мыслят, на мировом таки уровне. Да...

Бригадир махнул рукой, словно отсекая ветеринара от села:

– Пошел-ка ты!.. Конский врач по женским болезням... вали-ка ты к лешему на кулички!..

Там и кланируйся...

Конюх испуганно перекрестился:

– О, Господи, экие страсти удумали, ироды, бома⁶ их побери, коров кланировать... Вот у нас в колхозе корова жила... Доилась с хвоста, давала вёдер до ста. Доярки ее к заплоту привалили да ишо пять лет доили. Потом зад отрубили да ишо десять лет доили... Кланировать... Верно, с коров-то и до баб и мужиков доберутся, и тех почнут кланировать... Ой, паря-а... конец света...

⁶ Бома – бес.

Конский врач обреченно покачал головой:

– Шо ви говорите, шо ви говорите, господа конюхи?! Ох, далеко нам таки до Америки...

Конюх фыркнул:

– Далёко?.. Дак и ладно: видел я кина американские про ихну жись. А какая у их жись?!

Что дом, то содом, что двор, то гомор, что улица, то блудница. Прости, Господи, – конюх опять побожился. – Вот те и Америка...

Конский врач, смеясь, пошел вихлеватой походкой, а конюх тронулся следом, передразнивая походочку ветеринара.

– Фу ты, ну ты, ножки гнуты... Походочка, что в море лодочка...

* * *

Когда Конский врач отчалил, бригадир вновь заиграл на гармонии, а конюх, приплясывая, позвякивая уздой, снова зачестушил:

Растащили наш колхоз,
Кто за гриву, кто за хвост...
А теперя из Америки везут окорочка,
Больше их никто не купит,
Нашли Ваньку-дурачка...

Вы, девчата, не ходите,
С демократами гулять,
Демократы вас научат
Мать-Россию продавать.

Когда гармонь стихла, конюх, сопревший и упавший на лавку, похвастался:

– Ловко напару-то выходит. Артистов из телевизера заткнем за пояс... – тут конюх смущенно отвел глаза. – Громобоюшко, а может, тово...

– Чего тово?

– А тово... может, Ильюша, и меня прихватишь на «Играй, гармонь»... Напару и спляшем, и споем...

Бригадир засмеялся, озирая мелкого старичка от сыромятных ичиг до сплющенной кепки.

– А не рассыпешься?.. плясун... Ты бы, дед, лежал на печи да протирал кирпичи, а то: и спля-ашем и спое-ом... Полеживал бы на печи, заливал баушке бухтины, Бухтин дак...

Конюх обиженно поджал губы, а потом колесом выгнул грудь:

– Да я, Илюха!.. да я!.. да я молодых троих перепую, перепляшу. Баушка не даст соврать...

Рассыпешься... Обидел ты меня, Ильюша...

Бригадир покаянно погладил старого по плечу, но дед не унимался:

– О-ой, я, бывалочи, на Троицу рюмочку опрокину, дак и пою, и пляшу, пока не упаду. Силком с поляны уносили...

Бригадир согласно кивнул головой:

– Ладно, Мартемьян Иваныч, уговорил... Приходи на спевки...будем спеваться...

* * *

К правлению подплыла коза Ада; за Адой козел Борька брел блатной походочкой и с магнитофончиком, откуда хрипела блатная песенка:

На Дерibasовской открылася пивная,
Там собиралася компания блатная,
Там были девочки Маруся, Роза, Рая,
И с ними вместе Яшка Шмаровоз...
Там били девочек Марусю, Розу, Раю,
И бил их лично Яшка Шмаровоз..

Коза Ада, не удержавшись, стала приплясывать.

Бригадир, отложив гармонь, крикнул:

– Эй ты, Обалдуй, выруби тарахтелку!..

Козел Борька, усмехнувшись, выключил магнитофон.

Конюх горестно покачал старой головой:

– Пошто путних-то песен не стало?! Чтоб по-божеськи, по-руськи. Соромщину базлают.

Бригадир пояснил деду:

– Дак чо уж, паря, дает мирово сообщество, то и горланят.

Коза Ада скосоротилась:

– Лохи... Чучела замшалые... Отстали от жизни.

Когда Борис Обалдуй с Адой отошли за палисадник и закурили, конюх, кивнув на Борьку, припомнил:

– Вот, Ильюша, у козла Борьки ране жизнь была, не жизнь, паря, малина: кормили от пуза, в козьей стаюшке краше, чем у домовитой бабы...

– Дак с его же, дед, столь шерсти начесывали!.. бабы едва поспедали прясть.

– Во-во...

– А девать некуда, дак возами в Англию возили... В сани або в телеги возы наметам, брезентишком укроем и... в Англию...

– Во-во, Ильюха, не токмо Ботала, вся Англия в козых варьгах да козых чулках ходила. А шерсть откуль?.. Отсуль, из Боталы, от Обалдуя... А как о ту пору козел ишо не пил и не курил, и харчи были ладные, дак у его, паря, денно и ноцно шерсть росла. Сѣдни бабы, скажем, остригли, на завтра глядишь, опять зарос по самые рога...

– Да чо ты мне, дед, толкуешь?! Я чо в Америке жил?! я чо козла Борьку не знаю?! Знаю...

Помнишь, дед, какое племя от Борьки шло!..

– Коли не пил да не курил, дак и козлята, адали⁷ поросята...

– Шерстяные, племенные. Помнишь, дед, на коней меняли козлов и коз.

– Да ишо и, паря, торговались. Помнишь, Ильюха, ловкачи же норовили старого коня абы древнюю кобылу всучить за козу або козла... А за Борьку, помнишь, трактор сулили, но мы отказались. Борька же не козел, шерстяная фабрика... А сколь в Англию козлят спровадили. Старики поговаривают, дескать, в Англии сплошь козлы из Боталы...

– Вот Борьке и уваженье от колхозу: в партию приняли, «Доской почета» наградили...

– Дак, Илюша, козел и по сю пору на «доске» красуется... Так шепетко⁸ на карточке вышел, адали, паря, живой... Это уж после коза Дереза в его втрескалась по самые рога, умыкнула карточку с «Доски почѣта» да в козьей стаюшке и повесила...

– Пошто?.. Обалдуй и поныне на «Доске...» висит.

– Дак это, Ильюша, уже другая карточка.

– И чо с козлом подеялось?..

– Дак чо подеялось?! Как Бухало очеловечил козла, да недочеловечил, вот он и не пришей кобыле хвост... У Конского врача днюет и ночует. А тот разве добру научит?! Срамные картины глядят напару... Конский врач-то и научил козла водку пить ...Бухло же... и махру смолить.

– Да-а, хана Борьке козлу...

– И козу Дерезу кинул, изменщик коварный, – пожалел конюх тихую козу. – Коли ветер в поле, дак и маруху дачную завел...

– В колхоз сманил... Демократка ишо та, пробу негде ставить...

– Да-а, Ильюша, сполюбил красавицу, на всю округу славится...Блудня...

Коза Ада, краем уха услышав про себя, весело заблеяла:

– А тебя, дед Бухтин, завидки берут. Хоча есть, а мочи нету...

Конюх отмахнулся:

– Молчи уж, коза оципана. Таких вертихвосток в досельну пору на^алысо стригли.

– Чмо старое!.. – огрызнулась коза Ада.

А бригадир усмешливо оглядел козью парочку.

– Да-а, парочка, тыкен да ярочка⁹... Обалдуй, ты пошто козу Дерезу бросил?.. Не чета нынешней, путня была коза...

Конюх тоже похвалил козу Дерезу:

– Хошь и коза Дереза, а очи соколиные, брови соболиньи, походка павлинья... по двору идет, словно лебедь плывет...

⁷ Адали – все равно, похоже, как...

⁸ Шепетко – красиво.

⁹ Тыкен, ярочка – козел, коза.

Козел Борька пренебрежительно помотал рогами:

– Бросил я эту лебедь...

Конюх уточнил:

– Зад об зад, и кто дальше улетит...

Козел Борька, не обращая внимания на конюха, пояснил бригадиру:

– Я ить, Илья Егорыч, в демохраты подался, а потом в Америку махну... А Дереза, она ж коза старорежимная... Ну, я ей, словами песни: «Милка старого режима, не ходи на улицу. Я теперя демохрат, задушу, как курицу...»

– Ох, вы демохраты!.. ох вы, злыдни!.. всё бы вам душить да вешать... – выбранил козла дед Бухтин.

Коза Ада потянула Борьку за рукав.

– Боб, пошли! Чо с лоханутыми базарить?!

Борька подошел к «Доске почета», сорвал свою карточку, где в шляпе и при галстукe, со значком "Серп и молот" на широком лацкане, и, заудив из пакета другую, где он в бейсболке с американской эмблемой, прилепил на «Доску почета».

Бригадир матюгнулся:

– От Обалдуй, а!.. рехнулся. Помешался на Америке.

Конюх покачал головой:

– Как путный же висел в шляпе и при галстукe, а теперичи в американской кепке с долгим кондырем...

* * *

В селе Ботало сумеречное утро. К правлению широким шагом, помахивая портфелем, подошел председатель колхоза Варнак Горыныч Продайземля, осадистый, с жаркой бычьей шеей и широчеными плечами. За председателем семенил Конский врач с черным чемоданчиком, где были намалеваны красный крест и зеленая змея над чашей. А за начальством плелся опухший спохмелья козел Борька, которого подпирала коза Ада.

Председатель встал, как вкопанный, оторопело уставившись на вывеску «Скотоводческий колхоз имени Ильи Муромца» и, подражая Президенту, оглушительно заревел:

– Шта-а эта за вывеска?! Кто посмел?!

– Еще бы таки «Сталина» повесили... – в лад председателю пропел Конский врач. – Одно время «Илью» на «Сталина» поменяли, а потом «Ильюху» вернули... Но шо я вам скажу?.. А то я вам скажу, шо Илья и Сталин одним миром мазаны – черносотенцы... Заскучали таки мужики по лагерям сталинским...

Председатель попытался своеручно снять вывеску, но «Илья Муромец» не поддавался. А тут явились и бригадир с конюхом, и, оглядывая поле брани с «Ильей Муромцем», стали обсуждать Варнака Горыныча. Конюх ткнул пальцем председателя, что тягал вывеску:

– Но, паря, вылитый Президент. Прянь, как с цепи сорвался. Ревет, как наш бык Фармазон. Хоть голову завяжи да в омут бежи. Прости мя, Господи...

– В Америке привадился, – решил бригадир. – Там, видно, все ревут, как сумашедчии.

– Дак он, Ильюша, и смолоду был оторви да брось, – вспомнил конюх. – Сказать смешно, угаить грешно... Помню, ишо в парнях молоко с фермы возил. Коня запряжет и везет... А выпить был не дурак, – конюх смачно щелкнул пальцем в кадык. – Доярки с им с греха пропали. Ждут его, бывалочи, а он, пьяней вина, полеживат в телеге, всяку соромщину горланит... А потом рога в землю и храпака... Решили доярки, зюзе выучку дать. Раз упился Варнак в стельку и на телеге уснул... А конь встал на полдороге... У доярок уж все жданки вышли, пошли встречать. Видят, кемарит в телеге... Но, чо делать... Распрягли коня, вкатили телегу в березу и снова запрягли. Утром наш Варнак просыпается, коня понужат. А разве конь выворотит березу?! А уж народу, паря, собралось... Всё говорит, помню, — Варнак-то баит — но как в березу въехал, хошь убей, без памяти... Доярки смеются — кино бесплатное...

Председатель не осилил «Илью Муромца» и поманил Конского врача с козлом Борькой:

– Подсобите-ка, мужики... И кто у нас, знаш-понимаш, по старому режиму тоскует?

Козел Борька, покосившись на бригадира с конюхом, заискивающе шепнул председателю:

– Завелись у нас две чумы красно-коричневы... Не стану копытом казать, и так видать...

Борька забывал, что у него вместо передних копыт руки.

Но Коза Ада указала на бригадира и деда Бухтина:

– А я не боюсь... Вон они... посиживают... пережитки царизма и социализма. Лохи...

– Маразм крепчал таки... – решил Конский врач.

Председатель поцокал языком, глядя на бригадира:

– Ладно, дед Бухтин, из ума выжил... С конюха, ботала осинова, спрос маленький, а ты, Громобой, ты же бригадир... Ох, плачет по тебе, Громобой, тюрьма...

– «Матросская тишина"... – услужливо подсказал Конский врач.

– Во-во, будет тебе гробовая тишина... Мы переговоры с Америкой ведем, строим совместный скотско-американский колхоз имени Аллена Баллеса, а вы чо творите?! Они знаш-понимаш, «Муромцев» развесили. И чо американцы скажут?.. А скажут: от ворот поворот, и мы загнемся...

– Я шо скажу до вас, господа?.. А то скажу, шо американцы пока глядят таки: есть демократия в скотской политике или монархия процветает. Пока думают: инвестировать или погодить таки...

– ...бомбить, – вставил конюх.

– ...или погодить инвестировать. А тут экстремисты «Муромцев» развесили. И шо я вам на то скажу?.. а то я вам скажу, шо под «Муромца» американцы не дадут вам и ломаного гроша.

– Как ишо не додумались царя-батюшку повесить... – подивился председатель. – Конский врач... извини... господин Бухло... счас же «Муромца» снять, а «Дальнеса» повесить.

– Повесим таки, повесим «Алена Далеса», не переживайте, Варнак Горыныч... Обалдуй, помоги-ка...

– Эт мы махом... скинем борова... – козел Борька заломил вывеску рогами, словно выдергой, вывеска и подалась, и Конский врач понес ее в сарай.

Но поперек пути встал бригадир:

– Ну-ка, Конский врач, дай-ка сюда вывеску. А то лапаешь... грязными лапами...

Агдам Фрейдович испуганно сунул вывеску бригадиру, и тот, ласково, со вздохом поглаживая, вручил ее конюху:

– Дед Бухтин, припрячь-ка подальше, чтобы взять поближе. Ишо, паря, не вечер, ишо сгодится...

– Сгодится...

– Агдам Фрейдыч, найди «Далеса» и повесь, – велел председатель.

– Повесим таки, повесим... Но, господа конюхи, ви, случайно, не знаете, где «Далес»?

Господин конюх и господин бригадир промолчали.

– И куда они "Далеса" затырили? – Конский врач глянул на козла Борьку. – Молчат таки, шо партизаны ...

– А мы и без партизанов найдем, – козел Борька, насмешливо косясь на бригадира и конюха, завернул за угол и вернулся с "Далесом".

Бригадир сердито прошипел на конюха:

– Ты, дед Бухтин, тока бухтины и мастер бухтеть. Не мог уж ловчее захватить, чтобы долго искали и сроду не наши.

– Дак не поспел, Громобоюшко.

– Не поспел... Ладно, вдругорядь мы этим "Далесом" печь протопим. Bravo будет гореть, небушко греть...

* * *

Правление колхоза. Председатель Варнак Горыныч Продайземля восседал за двухтумбовым письменным столом, обитом вишневым сукном, где лежали телефон, папки и медное коровье ботальце – звонить для тишины. Рядом приютился ветеринар Агдам Фрейдович Бухло, а члены правления уместились на лавке. Заиграл американский гимн, и председатель, ветеринар, коза Ада и прочая конторская челядь встали и благоговейно обмерли, положа правые руки на грудь. Козел Борька, недоуменно оглядевшись, тоже встал... И бригадир, мрачно сидевший рядом с конюхом, поднялся, но вдруг поперек американского гимна заревел во всю луженую глотку:

– Союз нерушимый республик свободных навеки сплотила Великая Русь!..

Американский гимн сгинул в Российском; а коза Ада и ветеринар что есть мочи стучали ногами, хлопали в ладони, кашляли, чтобы заглушить «Союз нерушимый...» Конский врач, косясь на поющего бригадира, крутанул пальцем у виска: дескать, свихнулся мужик, а козел Борька подурачки захохотал. "Союз нерушимый..." стих, но вдруг конюх, вскинувшись, перекрестившись, неожиданно густым басом загудел:

– Боже, Царя храни! Сильный, державный, царствуй во славу, во славу нам!..

Конский врач и коза Ада снова затарабанили ногами, закашляли, а бригадир, силком усаживая деда Бухтина на лавку, укорил:

– Хва, дед. Дуру не гони.

Конюх глянул на бригадира занозисто, через недобрый прищур:

– Громобоюшко, и ты против царя?

– Против, не против... Мечешь бисер перед свиньями... Не созрел народ до царя-батюшки...

– Дурдом! – заблеяла коза Ада:

Конский врач кивнул головой:

– Полная таки деградация русо хомо сапиес...

Бригадир, уловив смысл, посоветовал Конскому :врачу

– Сопишь в две норки?.. Вот и сиди, тихонечко сопи, а то дам в лоб...

Председатель забренчал в медное коровье ботальце, и члены правления утихомирились. Но тут бригадир задал начальству каверзный вопрос:

– Вот скажите мне, господа демократы, у нас же нынче буржуазный строй?.. Так?

Конский врач согласился:

– Буржуазный таки...

– Так... А пошто улицы, площади, статуи в честь революционеров, которые бились с буржуями? Взять того же Маркса, Энгельса, Ленина, и всяких свердловых, урицких... Но ежели, паря, строй буржуазный, то пошто буржуи терпят?! пошто их статуи не своротят?! пошто названия не поменяют?! Они же враги буржуям... революционеры-то...

Конский врач, важно поправив круглые очки на переносице, умно пояснил:

– Господа конюхи, скотники и доярки, шо я вам скажу?.. а то я вам скажу, шо это наша история, а историю не вычеркивают...

– А царскую историю вычеркнули! А Сталина со Ждановым своротили!..

– Да поймите же таки, шо убирать памятники, переименовывать улицы нам же не по карману. Всю же документацию надо менять, а нам бы с голоду не пропасть...

– С голоду?.. – усмехнулся конюх. – Сказал бы уж, с похмелья...

Встрял председатель:

– Да... не по карману. Нам бы народ накормить... хоть отрубями.

Бригадир не унимался:

– Сталина со Ждановым вы, демократы, скинули – города и улицы переименовали, памятники своротили. Что, Сталин со Ждановым не история?.. Нашлись же деньги, чтоб их своротить...

Конский врач поморщился брезгливо:

– Сталин таки – диктатор, и режим у него тоталитарный, и руки по локоть в крови.

– А у Ленина, Троцкого, Свердлова, Урицкого... руки и по плечи в крови... А по-моему, так вы с имя одна шайка-лейка, вам бы, сучарам, Россию угробить...

– Шо ви мне говорите?! Шо ви говорите? Это шо за страна Россия, если я и мои братья можем ее угробить?.. Да ви сами ее угробите, своими таки руками...

Председатель опять нервно забренчал боталом.

– Хва про политику, давайте по сучности дела!.. Переходим к искусственному осеменению... Господа скотники, пастухи и конюхи, на повестке дня...

– Одна фигня... – проворчал бригадир.

– На повестке дня отчет о ходе искусственного осеменения скота. Племена работа в колхозе запущена, отстаем от Америки... Докладает Конский врач... прошу прощения... ветеринарный врач Агдам Фрейдыч Бухло.

Коза Ада пихнула козла Борьку в бок:

– Давай, Борька, толкай речь.

Козел встал с лавки и попросил:

– Можно я поперёд Бухлы речь толкну? У меня политика...

Коза Ада подтвердила:

– У нас политика...

Председатель развел руками:

– Ну, ежели политика, тогда ладно, тогда, Борька, говори. Слово имеет козел... прошу прощения... господин Борис Обалдуй. Раз уж политика...

Конюх громогласно возмутился:

– Это чо же в России за политика пошла скотская, ежели всякая скотина прет гужом в политику. И пошто-то особливо козлы... Вот и наш Борька... Тоже в политику полез... Хоть и чурка с рогами.

Козел Борька сердито глянул на конюха:

– Прошу без намеков...

Бригадир предположил:

– Может, ему алигаторы...

Конский врач поправил:

– Алигархи, темь...

– ...может, алигаторы Борьке деньгу по колено отвалили, чтоб ихню политику продвигал...

Коза Ада возмутилась:

– Прошу удалить чуму красно-коричневу!

Бригадир посулился:

– А я те бошку удаю. И тебе, и твоему Обалдую.

Закатилось, как припадочное, председательское ботало, а Конский врач сокрушился:

– Никакого плюрализма, болтают таки шо попало. Страна дураков...

Козел Борька Борька начал речь:

– Господа конюхи, скотники, пастухи и начальство, я по-дурости поверил в социализм с человеческим лицом, а потом гляжу, вышла харя... А посему, господа конюхи, скотники, пастухи и начальство, я, Борис Обалдуй, теперичи из компартии выхожу, а в другую партию захожу. А партийный билет решил принародно сжевать...

Козел Борька достал из кармана красную книжку и стал ее жевать, словно сено: потом кинул недожеванную книжку и растоптал копытом.

– Сдурел наш козёл, – опечалился конюх. – Поехала крыша... вместе с рогами...

– И в какую партию решили зайти, господин Обалдуй? – поинтересовался Конский врач.

– В эту... как её... Ада, подсоби... – коза Ада прошептала козлу Борьке. – Во-во, «Дурдом», кажись... А может, «Выброс»... А-а-а, ляд ее знат... Короче, к демохратам решил податься. Из колхозу тоже выхожу. Может, козлино-американское предприятие открою. Я ишо козел в рассвете сил... А посему, коль из колхозу выхожу, требую взад своё имущество...

Бригадир, вскочив с лавки, крикнул:

– Дак у тебя... Обалдуй... одно имущество... которым ты коз крыл! С им и выходи из колхозу... –

Коза Ада возмутилась:

– Чума красно-коричнева!.. Борька, подай на его в суд. Я те из Израиля адвоката выпишу.

– И подам, с меня станет...

Председатель опять зазвонил в медное коровье ботальцо.

– Успокойтесь, господин козел... то есть, Борис Обалдуй. Ваше имущество рассмотрим в рабочем порядке... А ежели чо, дак и обратимся к нашему дорогому американскому руководству. Оне в имуществе толк знают... А теперь Агдам Фрейдыч, докладайте про искусственное осеменение. Почему запущена племенная работа?

Конский врач развел руками:

– Так она и будет запущена, Варнак Горыныч. Ви знаете, есть у нас таки темные колхозники, вроде Громобоя и деда Бухтина, шо исподтишка дозволяют скотине осеменяться натурально.

Председатель стукнул кулаком по столу:

– Я им поосеменяю, знаш-понимаш!.. Я и то гляжу, какой-то у нас скот пошел красно-коричневый...

Козел Борька поддакнул:

– На обличку вылитый дед Бухтин.

– Господин Бухло, возьми на себя осеменение... – велел председатель ветеринару

– Агдам Фрейдыч, – попросила, коза Ада, – нам бы натурально, мы же не скотина...

– Ну-у, ежели порода соответствует американским стандартам...

– Соответствует, соответствует... Погляди на Обалдую, – коза кивком головы указала на Борьку, – или на меня... – кокетливо повела плечами, улыбнулась фиолетово крашенными губами, поиграла синё малеванными глазами, — чем не порода, чем не американский стандарт?!

– Ох уж с этими шнадартами, особливо европейским... – проворчал конюх. – Третиводни баушка взяла в лавке европейских кур. Соблазнилась — дешево больно, дешевле наших. Это чтоб наши птицефермы загубить... Ладно, притащила курей. Глянул я: мамочки родны!.. до чего тошши!.. Истаскались там, ли чо ли?.. Страх смотреть, краше в гроб кладут. Но, паря, в такой упаковке — я те дам. А до чего форсиссты, навроде козы Ады: губы накрашены, когти размалеваны — но, паря, вроде не курицы, а блудницы... Я есть не стал, и баушке наказал, чтобы

не покупала это барахло. Лучше уж приплотим да своих кур возьмем, чтоб и наше производство процветало.

– Шо на это скажешь?! Русский идиотизм, – провозгласил Конский врач. – А разве идиотов признает таки мировое сообщество?!

Председатель окоротил ветеринара:

– Но тут и на тебя, Агдам Фрейдыч, от мирового сообщества жалоба пришла... Ты, конешным делом, демохрат от кудрей до пят. Но надо меру знать демократии... Ты пошто кабанам эдакие прозвища дал?! У тебя, вроде, не стадо свинячье, знаш-понимаш, а мировые демократы... – председатель стал накаляться, и кричать, подражая Президенту. – Эт шта за прозвища: Бжезинский, Далес, Клинтон, Буш?!

Конский врач испугался, растерялся:

– Так, Варнак Горыныч, по мировому таки рейтингу... У их счас рейтинг высокий...

– А у тебя, гляжу, рейтинг совсем упал... Пить надо меньше.

Конюх пояснил, щёлкнув по горлу:

– Дак попей ее, родимую, не токмо рейтинг, волосы опадут. Сроду не просыхат, бочка винная...

Председатель, не обращая внимания на конюха, распекал Конского врача:

– Ты пошто, знаш-понимаш, великих политиков со свиньями сравнял?

– Ви, господа сотники и пастухи, думаете таки Бухло идиот?.. Нет, Бухло таки не идиот, Бухло хотел, как лучше...

– ...а вышло, как всегда, – подсказал бригадир.

– ...Бухло хотел, чтобы и скотина от политики не отставала, чтоб увековечить таки мировых лидеров...

– Увековечил, знаш-понимаш, – не унимался председатель, – в свиньях... А они же, кормильцы, шлют нам окорочка куриные...

– Ножки Буша, – уточнил конюх, – охальная химия... клопов травить.

– Ладно бы ишо быкам дал эти прозвища — скотина крупнорогатая, а то свиньям, знаш-понимаш!.. – председатель так постучал кулаком по столу, что графин заплясал. – Чтоб завтра же клички поменял.

Бригадир засмеялся:

– Верно, чтоб бушами на свиноферме и не пахло... Но, опять же, господин-товарищ присидатель, поменям прозвища, а кабанам-то как растолмачить, ежели они к тем привыкли с детства...

Председатель почесывал затылок:

– И то верно... А кого делать?.. Эх, как не крути, не верти, а думаю, надо, Громобой, всех кабанов демохратов под нож пустить.

Бригадир азартно потер руки:

– С удовольствием...

– Короче, чтоб у меня порядок был на свиноферме, а то знаш-понимаш...

Конюх вспомнил вслух:

– ...Мужики, случай был... Это ишо в коллективизацию жил у нас в деревне крепкий мужик — Еремей звать. Всё боялся, раскулачат, — у его целое стадо коров и быков паслось. Дак чо удумал Еремей... Дал коровам и быкам большевицкие прозвища. У его что ни бык, то Яков Свердлов либо Моисей Урицкий, что ни телка то Роза Люксембург либо Клара Цеткин. Думал, подмаслиться, объегорить власть. Думал, не раскулачат, ежели у его скотина – сплошные ленинцы. Не поняли Еремея: мало того, что раскулачили, да ишо и срок припаяли... За скотскую политику...

Конский врач обиделся:

– Неотес таки ви сибирский, господин конюх. Дерёвня... А я Вам шо скажу?.. а я Вам то скажу, господин Бухтин, Клара Цеткин и Роза Люксембург отнюдь не ленинцы.

Конюх передразнил Конского врача:

– Оно, конечно, между прочим и отнюдь, а на мой взгляд, дак одна холера.

Бригадир тоже вспомнил:

– Это еще чо, демохраты — свиньи... Вон в соседнем районе село переименовали: было Жданово...

Конский врач зло процедил сквозь зубы:

– Шо ви говорите?! Шо ви такое говорите?! Жданов таки – сталинский сатрап, от вашего Жданова пострадали великие врачи. Вспомните, «Дело врачей»...

– Ежели такие же конские врачи, вроде тебя, дак и за дело, – рассудил конюх.

Бригадир продолжил:

– Дак вот, значит, было село Жданова, стало село Березовско-Гусинско-Смоленско-Ходорковское...

Конский врач восхитился:

– Ого!.. Губа таки не дура, шо эдаких тузов собрали. Некоронованные короли России...

Может, глядишь таки, и денег дадут.

– Дадут... догонят да ишо поддадут... – проворчал бригадир. – Дадут они русской деревне, разевай рот пошире...

Председатель опять забреньчал в коровье ботало:

– Господа скотники, пастухи и конюхи, объявляю перекур.

* * *

Даже не пугая свиней, спящих в заболоченном пруду, и коров, дремлющих в подзаборной тени, по безлюдному селу Боталу, тихо шурша шинами, кралась сияющая черным лаком, заморская легковуха. За углом, неподалеку от правления машина замерла, выскочили два добрых молодца в черных пиджаках, цепко огляделись, а потом вышел пухлый господин с рыжим чемоданом.

Бригадир с конюхом сидели на лавке возле правления колхоза, когда у щербатого палисадника, словно из волшебной лампы Алладина, родился человек восточной облички, в барашковой папахе, с черными усами и мягким кожаным чемоданом рыжего цвета. Восточный гость низко поклонился бригадиру:

– Салам аллеикам, нашальник.

– Здорово, ежли не шутишь.

Конюх весело присмотрелся к восточному гостю и пропел:

Ероплан летит,
Колеса стерлися,
А мы не ждали вас,
А вы приперлися...

– Да-ра-гой, нашальник будешь? – восточный человек еще ниже поклонился бригадиру.

Бригадир пожал плечами:

– Ну, положим...

– Положим, дарагой, положим... озолотим... – радостно заверил восточный гость и поставил чемодан на лавку возле бригадира, потом долго тряс его руку, льстиво заглядывая в глаза.

– Нашальник, я – Анаша Героиныч...

Бригадир засмеялся:

– А я – Вермут Портвейныч.

– Вермут Портвейныч, нашальник, хочу говорить глаз на глаз... – Анаша кивнул на конюха.

– Говори при ём: Мартемьян Иваныч – мой зам; у меня от его секретов нету. Дед протоколируй наши говоря.

– Вах! Вах! – приложив руку к груди, воскликнул Анаша Героиныч, подъюлил к деду Бухтину и тому потряс руку.

Конюх вырвал ладонь из цепких восточных лап:

– Оторвешь, зараза... Ишь, урюк прилипчивый.

– И какое же у тебя дело до нашего колхозу, Анаша Героиныч?... – поинтересовался бригадир.

– Да-ра-гой, не обижу, – Анаша потряс чемоданом. – Нашальник, овер спать будишь, золота пиала есть, пить коньяк, кушать шашлик, хурма, любить красивый гурий...

– Ты, Анаша Героиныч, не мельтеши, как муха навозная. Растолмачь, чо у тебя за дело до нашего колхозу.

– Да-ра-гой... нашальник... Вермут Портвейныч... хочу купить твой колхоз...

– Ого! – конюх выпучил глаза.

– Нашальник, дам цена, какой хочишь. Могу в долю взять, дарагой... Озолочу, нашальник. Будишь пить коньяк «пять звизда», кушать шашлик, хурма, спать красивый женчин ...

Конюх весело пихнул бригадира:

– Продавай колхоз, Вермут Портвейныч, продавай. Кого жалеть?! Хошь на старости лет поживем, как путние: шашлик-башлик, хурма, красивый женчин...

- А скажи-ко, Анаша Героиныч, а на кой ляд тебе наш колхоз? – спросил бригадир.
- Дарагой, тихо тут...
- Дак у лешего на куличках живем, – согласился конюх.
- Веселый травка будем сеять, мало-мало торговать... Нашальник, будишь султан жить...

Анаша отпахнул чемодан, извлек бутылку пятизвездочного коньяка.

– Прими, дарагой...

Бригадир отмахнулся:

- Спрячь бутылку и чемодан свой уברי.
- Вах, вах!..Какой чемодан?! Какой чемодан?! Кошелек...
- Вот и уברי свой кошелек.

Анаша спрятал бутылку в чемодан, а бригадир взял гармонь, и, подобрав мелодию, лукаво подмигнув деду Бухтину, влозгласил, как со сцены:

– Кавказский народный песня...

– Вах, вах, вах! – умилился восточный гость, и лицо его маслянно засияло, словно чебурек.

Бригадир и конюх дружно, но ернически запели, конюх, еще и вертя руками на голове, притопывая сырмятными ичигами, плясал сидя:

Гуленджан, Гуленджан,
 На базаре лавка.
 Мы торгуем баклажан,
 Разный сорта травка.
 На высокий на гора
 Мумия сидел.
 Солнце сильно припекал:
 Мумия вспотел...

Приплясывая на кавказкий лад, Анаша радостно восклицал:

– Вай, вай, какой красивый песня!.. Мы торгуем баклажан, разный сорта травка... Дарагой, спиши слова...

На высокий на гора
 Мумия сидел.
 Тучка туда сюда ерзал:
 Мумия замерзнул.
 Гуленджан, Гуленджан,
 На базаре лавка.
 Мы торгуем баклаёжан,
 Разный сорта травка.
 Если на гору залезть,
 И с неё бросаться,
 Очень много шансов есть
 С жизнью растаться.
 Гуленджан...

Из Правления вышел председатель и, сразу же приметив Анашу, подошел с протянутой рукой.

– Наслышан о Вашем визите... Председатель колхоза Варнак Горыныч Продайземля...

Анаша, ухватив руку председателя, потряс ее с поклоном и представился:

– Анаша Героиныч... – потом, глядя на бригадира, сокрушенно покачал головой, поцокал языком. – Вай, вай... зачем обманывал бедный шаловек?! – снова обернулся к председателю. – Дарагой нашальник, говорить надо глаз на глаз...

Председатель махнул рукой на крыльцо конторы:

– Пройдем в Правление... как тебя там?.. Анаша..

Восточный гость ловко подхватил чемодан-кошелек и потрусил следом за председателем. Что вышло в кабинете, бригадир и конюх видели через окно, незашторенное, распахнутое в палисадник с малохольной березкой. Анаша подсел возле председательского стола, и, прижимая к себе чемодан, так горячо забормотал, что у председателя глаза азартно взыграли и зажглись алчным зеленым огнем. Гость с церемонным поклоном вручил нашальнику коньяк, и Варнак

Горыныч торопливо спрятал бутылку в письменный стол. Потом, начальственно откашлявшись, поразмыслил:

– Покумекаем... Дело доброе... Вот прихватизирую хозяйство и создадим совместный американско-азитатский скотский колхоз... Приходите после Правления... с чемоданом... под вечерок, покумекаем.

– Ишь чо, Громобюшко, творится: Анаша хочет колхоз купить, – удивленно прошептал конюх. – А наш Варнак продаст... вместе с колхозниками. Анаша травку хочет сеять... А чо, паря, за травка такая золотая?

– Да мак, поди... – прикинул бригадир.

– Мак – бравый цветок...

– Ага, бравый... Ханка – наркота...

– Упаси, Господи!.. – конюх испуганно перекрестился на солновсход. – Неужли посеет?..

– Мы ему посеем... репу на голове. Обожди меня, я махом, одна нога там, друга тут...

Бригадир, подивив конюха, вернулся в милицейском кителе и красной форменной фуражке. До бригадирства Илья Громобой служил участковым, а потом разлаялся с начальником...мздоимец... но мундир сохранил. В этой устрашающей обличке бригадир и грянул в председательский кабинет, и сразу же к Анаше:

– Пройдем-ко, дарагой... – взял за шкурку восточного гостя, чудом уцепившего чемодан, и поволок из конторы

Председатель с криком кинулся вслед:

– Ты шта-а это дуру гонишь?! По какому праву, знаш-понимаш, фурагу красную одел?

Бригадир пояснил:

– Участковый же робит шель-шевел. Пень колотит да день проводит. Жулья и развелось, что грязи... Вот я и взялся подсоблять участковому на общественных началах.

– Как ты смеешь нарушать наши сношения... американо-азиатские?! Тут политика...

– Тут, Варнак Горыныч, такая политика... глазом не моргнут, бошку тебе оторвут... Скажи, спасибо, что вовремя поспел...

Вытащив гостя из конторы, бригадир милостиво попросил:

– Анаша Героиныч, шуруй-ка ты отсель подобру-поздорову, а то робята в Ботале горячие, вольные, устроят тебе шашлик-башлик, черепушку проломают ненароком...

* * *

Колхозная харчевня, обращенная в ресторан «Плейбой»; в интимном полумраке стол, щедро уставленный заморскими напитками, наедками; а за столом веселая компания: козел Борька в обнимку с козой Адой, – скотина, ветеринаром недоочеловеченная; а рядом со скотиной сам Агдам Фрейдович Бухло в обнимку с Анашой, у которого меж ног чемодан-кошелек; а возглавил застолье председатель колхоза Варнак Горыныч Продайземля.

– Мой дядя, Ибашли-оглы, любил мальчик ... – вдруг вспомнил Анаша, поглаживая колено Агдама Фрейдовича.

Оглядев полуочеловеченный скот, Варнак Горыныч похвалил Конского врача:

– Это ты, Агдам Фрейдыч, ловко выдумал...

– Наука... По-американским таки рекомендациям...

– Наука у их прёт, а наша наука, дышло ей в рот, соврет, недорого возмет... Агдам Фрейдыч, не забыл?.. завтра, знаш-понимаш, на Правлении колхоза будем решать, как Демократку покрывать...

– Надо, Варнак Горыныч, с Америкой согласовать таки. Ви шо, думаете это дело простое?.. А я скажу, шо дело это сурьезное, – политика таки...

– Пора и скачки начинать... – коза Ада, игриво прижимаясь к Борьке, церемонно вытягивая губы, смачно поцеловала козла. – Ну шо, Обалдуй, оттянемся?..

Козел, кутась сигаретным дымом, потягивал армянский коньячок и скакать не хотел.

– Не хочу... Поскачи с Агдамом...

– Тогда вруби-ка свой вертак...

– О кей...

Козел Борька врубил магнитофон, и в харчевне, как в ночном притоне, вспыхнул и бешенно заметался мигающий, сверкающий, цветастый свет, загремела скаковая музыка:

Все будет хорошо,

Все будет хорошо,
Я это знаю...

– Сбаваем, Агдам Фрейдыч?.. – коза Ада поманила Конского врача, и тот, жалобно и жадно глядя на бутылку коньяка, лениво поднялся, вяло зашаркал подошвами.

А председатель, прихлебывая коньячок, повел было переговоры с Анашой Героинычем, но рев магнитофона глушил голос, и председатель крикнул козлу:

– Обалдуй, убавь-ка свой трактор!

Козел Борька убавил звук, и председатель снова склонился к восточному гостю, который по-ужному жарко, обольстительно убеждал:

– Не пожалеешь, дарагой нашальник!.. не пожалеешь,.. Продавай колхоз... Видит Аллах, спать будишь бухарский ковер, пить коньяк золота пиала, кушать шашлик, хурма, любить красивый женчин, – Анаша огругло изобразил бабью пышность.

Председатель и Анаша рядились возле окна, по-летнему распахнутого, и конюх, проходя мимо харчевни, подкрался ближе, затаился на завалинке, прислушался...

– Красивый женчин я, Анаша Героиныч, люблю, – председатель тоже запечатлел руками бабью пышность. – Да вот, паря, беда, колхоз-то я ишо не прихватизировал...

– Прихватизируй, дарагой Варнак Горыныч, прихватизируй... И продай... Баксы плачу... американские... – Анаша потряс чемоданом. – А хочешь, дарагой, в доля беру...

– Прихватизировать бы... И указание сверху пришло... от нашего дорогого американского руководства. Чтоб, знаш-понимаш, прихватизацию начать... Да я бы, дорогой Анаша Героиныч, хоть завтра продал колхоз, да есть тут один тип... Как бы его, паря, обойти... Така, паря, чума красно-коричнева, Громобой звать. Толковать с им, паря, беспольза... А за него колхозники горой встанут...

– Дарагой, зачем говорить?! Зачем говорить?! Ножиком горло чик, – Анаша чиркнул по горлу, – секир башка, и нету красно-коричневый шалавек... Нету шалавек, нету проблем...

– Без чика бы... – председатель почесал плешь. – Не-е, паря, его на арапа не возьмешь, – битый мужик, в Афгане воевал... Сам кого хошь.. чик... Головорез, короче...

Анаша, оглянувшись вокруг, утишил голос:

– Дарагой, баксы плачу, киллер купим... – Анаша показал пальцем "пистолет" – Пук, и нету шалавек. Нету шалавек, нету проблем...

– Без пука бы, Анаша Героиныч, и без чика, а чтоб тихо, и шито-крыто...

– Тогда... – Анаша задумался, – тогда... тогда, дарагой: бокал вина, порошок... Громобой выпил... и нету Громобой... Агдам Фрейдыч порошок брать...

– Эх, как бы нам эдак без "мокрухи"...

– Ни один душа знать не будет. Ты, дорогой, я и Агдам Фрейдыч, – Анаша крикнул Конского врача. – Агдам Фрейдыч... дарагой... можно два слова глаз на глаз.

Агдам Фрейдович, махнув рукой на скачущую козу, подлетел к столу, тряскими руками набухал коньяк в граненный стакан и жадно вылакал.

– Садысь, дарагой, – Анаша похлопал по стулу возле себя, и когда ветеринар, закусив черной икрой, уселся, шепнул ему на ухо про «мокруху».

Конский врач испуганно отшатнулся и нервно закурил.

– Мой брат Изяслав был дя евреев – Изя, а дя русских – Слава... Помню, папа спросил таки Изю: «Изя, какую ты ночью книгу читал?» И шо ви думаете Изя ответил?.. А Изя сознался таки: «Книгу ужасов...» «И как эта книга называется?..» «Уголовный кодекс...» Изя связался таки с фарцовщиками¹⁰, и страшился уголовного наказания... И шо я Вам, дорогой Анаша Героиныч, скажу?.. а то скажу, шо я не хочу читать книгу ужасов под названием «Уголовный кодекс...»

Восточный гость покрепче обнял ветеринара, жарче зашептал на ухо, и Агдам Фрейдович стал поддаваться на жаркие уговоры:

– Шо я вам скажу, дорогой Анаша Героиныч?.. А то, шо Громобой – опасный тип, шо Громобой вставляет палки в колесо реформы. А ви знаете, шо эти палки нервируют наше дорогое американского руководства. Скажу по секрету, насчет таки Громобоя были и прямые указания...

– Дарагой, надо исполнять указания. Америка шутки плохи...

---

¹⁰ Фарцевка – это уголовное преступление в 70-80-х годах прошлого столетия значило, скупать у иностранных граждан вещи и продавать согражданам за большие деньги. После крушения советской власти это уголовное преступление узаконилось в образе бизнеса.

– А шо, можно таки и попробовать... Есть такие порошочки, шо и вскрытие не покажет... Недельку поболееет, и можно таки музыку заказывать. Ильин день на носу, – день рожденья Громобоя, вот и угостим таки огненной водицей...

Председатель тяжело вздохнул:

– Ох, не нравится мне наша затея...

– Шо ви таки переживаете Варнак Горыныч?! – охмелевши, осмелел ветеринар. – Намедни сами ж говорили, надо таки чуму красно-коричневую с корнем вырывать.

– Дак оно бы и ладно, но надо, знаш-понимаш, так чуму вырвать, чтобы нас не вырвали с корнем... Эт, дело надо обмозговать, чтоб дуру не спороть... Плесни-ко мне, Агдам Героиныч...

Конюх, что подслушивал у растворенного окошка, аж присвиснул тихонько:

– Ишь, фармазоны, чо удумали... Не-е, шалишь, кума, не с той ноги плясать пошла. Хотели провести воробья на сухой мякине...

Конюх крадучись пошел от харчевни, а вслед ему хлестнула шалая музыка:

Ты иди по жизни смело,
И кому какое дело,
Кто тебе в постели нужен,
Это – секшэн революшэн!..

* * *

Конюх Мартемьян Иванович Бухтин, который накануне подслушал зловещий заговор, приметил в контору ни свет, ни заря и, прильнув к срубу, подсмотрел в окошко такие страсти, что у деда под кепкой остатние кудерьки встали дыбом. Ледяной пот прошиб, стылой струйкой стек меж лапоток в порты. «Господи!.. Матерь Божия! – перекрестился конюх, – это чо же дется на белом свете?! Это же светопреставление...»

Председатель колхоза сутулился над столом, обитом зеленым сукном, и, словно сырое сено, раздраженно ворошил липкие бумаги, а над приставным узким столиком коршуном навис Агдам Фрейдович: из черного чемодана со крестом и змием выставил бутылку разбавленного спирта и алюминиевую кружку.

– А железную-то кружку почо? – ворчливо спросил председатель.

– Я шо подумал, Варнак Горыныч?.. Громобой таки – фронтовик...

– Какой он к лешему фронтовик...

– В Афганистане таки воевал... А фронтовики любят пить из кружек аллюминевых...

– А-а-а, вон оно чо... Ну и, пройдоха же ты, Конский врач...

– А шо делать с вами... дураками?! – последнее слово, чтоб не обидеть председателя, Конский врач молвил тихо, за левое плечо, где пасса анчутка беспятый¹¹ и подсоблял.

Фронттовую кружку Агдам Фрейдович окружил штатскими гранеными стаканами, что маняще посвечивали в застекленном серванте. А уж потом из черного чемоданчика, где был намалеван зеленый змей над чашей, Конский врач добыл пакет с мрачной наклейкой в виде черепа со скрещенными берцовыми костями, и, поправив круглые очёчки, натрусил из пакета в железную кружку белый порошок. Когда Агдам Фрейдович крюковым носом и потно сверкающей плешью нависал над алюминиевой кружкой, то сивые кудерьки над ушами торчали словно козы рожки, и ветеринар походил на рогатую бабу Ягу.

– Вот и угощеньице таки дорогому именинеку...то бишь, Ильюхе Громобоею.

Председатель тяжело вздохнул:

– Ох... Конский врач... то бишь, Агдам Фрейдыч... не ндравится мне наша затея. Мокрухой пахнет... срок корячится.

Конский врач, для храбрости хлебнувший спирта, запетушился:

– Ви шо боитесь, Варнак Горыныч?.. Все будет шито-крыто... А ви читали таки рекомедацию нашего дорогого американского руководства; и шо там написано черным по белому? А там написано таки, шо надо давить чуму красно-коричневу! Или чума таки похерит демократию, или демократия чуму похерит...

– Ох, как бы нас не похерили. Не загрометь бы, паря, туда, где Макар телят не пас.

– Всё чисто, Варнак Горыныч, комар таки носа не подточит. Пару недель похворает и...

– А закусь-то припас?.. Или чо, кулаком занюхивать?

¹¹ Анчутка беспятый – бес.

– Шо ви переживаете?.. шо переживаете? Всё будет, как в лучших домах Лондона. Закуска таки, опять же, от нашего дорогого американского руководства... – из ящика со змеей и черепом Конский врач стал выкладывать на стол американские окорочка.

А в коридоре уже гомонили колхозники, и в председательский кабинет вошел народ, за народом – недоочеловеченный скот, а когда все расселись на лавке, председатель для тишины позвонил в медное коровье ботальце и возгласил:

– Господа скотники, пастухи, конюхи и мелкий рогатый скот, прежде чем начать правление, знаш-понимаш, позвольте от имени и по поручению, так сказать, поздравить Илью Егорыча Громобоя с днем рождения!..

Правление дружно забило в ладони.

– Разрешите от имени и в связи вручить виновнику конверт... Прими-ко, дорогой наш Илья Егорыч...

Когда бригадир, приняв дар, уселся рядом с конюхом, тот взял конверт, сунулся внутрь и взвыл обиженно:

– А деньги где?

– А шо, конверт уже и денег не стоит?! – удивился Конский врач. – А в конверте еще и открытка таки от нашего дорогого... и тоже денег стоит.

– Да ладно, успокойся, дед, – бригадир осадил гневного конюха. – Нужны мне их подачки, как собаке пятая нога...

– Агдам Фрейдыч, прошу плеснуть по чарочке, – велел председатель. – Народ и мелкий рогатый скот прошю к столу...

По председательскому зову правление стуртилось подле стола; и когда Агдам Фрейдович, дрожжащими руками, суетливо разлив спирт, совал правленцам стаканы, конюх схватил алюминиевую кружку, пихнул ее Конскому врачу, потом изрек именинную здравицу:

– Скотоводы... – конюх глянул на козла Борьку и козу Аду, – а так же мелкий рогатый скот, по чарочке за нашего Громобуюшку, – и конюх запел. – Многая лета, многая лета, мно-о-огая ле-е-ета-а-а...

Правленцы, дружно выпив, дружно крякнули, выстроили стаканы по столу в надежде на добавку, лишь Конский врач держал кружку в трясущихся руках, испуганно тараща ночные глаза.

Конюх насмешливо оглядел лиходея и тихонько заверил:

– Не ставь кулему¹² на Ярему, сам попадешь... – и прибавил громче. – Что же ты... Конский врач... извини... Агдам Фрейдыч, брезгуешь выпить за славного бригадира и воителя Илью Громобоя?.. А ну-ко, выпей...

Алюминевая кружка выпала из тряских рук Конского врача и жалобно прозвенела на половицах, а конюх похлопал бригадиру по плечу:

– Ты, Ильюша, нынче сызнаво родился...

Председатель утер платочком вспотевшую шею:

– Ох, пронесло...

– И меня пронесло... – Конский врач, держась за брюхо, потрусил из кабинета, и за ветеринаром виляя хвостом утробный дух.

Когда правленцы уговорили спирт, когда вернулся Агдам Фрейдович, бледный, сменивший штаны, председатель привычно звякнул коровьим боталом и спросил ветеринара:

– Конский врач ...то бишь, Агдам Фрейдыч, огласи повестку.

– А шо там оглашать, коли на повестке дня одна таки Демократка...

– Дед Бухтин, докладай про кобылу, – велел председатель, – да шибко не бухти. Покороче... Будем кворумом кумекать, как Демократку крыть

Конюх возразил:

– Кого кумекать?! Мы уже порешили с бигадиром отвести Демократку к Соколу...

– А это, знаш-понимаш, будем поглядеть к Орлу или Соколу... Докладай про Демократку...

– Но вы, мужики, знаете эту гнедую кобылица. Не кобылица, паря, зверь живая, ужась тихая. Сам ляд¹³ ей был сват. И обозвали ее пошто-то Демократка...

Бригадир громко пояснил:

– Да это Конский врач по женским болезням малость того... не в обсудку буде сказано... у его не все дома, к суседям ушли, — вот и дал кобыле срамную кличку. Тьфу!..

– Шта-а, ты, знаш-понимаш, против демократии попер?! – взревел председатель. – Ты чо тут выкомариваш, чума красно-коричнева?! Хошь, чтоб демократия сгноила тебя на нарах?!

¹² Кулема – ловушка для мелких пушных зверей.

¹³ Ляд — бес.

Бригадир вскочил:

– А ты мне рот не затыкай, Варнак Горыныч!.. не затыкай... И не пугай! Пуганный...

– Шта-а это ишо за разговорчики?! У нас сплошная демократия, знаш-понимаш, слабода слова, а значит, чтоб тихо сидели и помалкивали в тряпочку. Ишь контра белая, комуняка недобитый...

Чтобы скандал не дошел до мордобоя ... Громобой же его первого в рыло отпочтует... Конский врач схватил председательское ботальце и зазвонил:

– Господа скотники, пастухи и мелкий рогатый скот, перейдем таки к нашей Демократке...

– Ильюша, теперичи ты говорь, а то у меня со спирта ум за разум заходит и язык заплетается...

– И скажу!.. я всё-о скажу! Запрыгаете у меня, как вши на сковородке... Дак чо, свалились реформы от нашего дорогого американского руководства... Вроде летела корова в небе да прямо на наши бедовые головы и... Вот и сидим теперичи по уши в навозе. Как упали реформы, вроде Мамай прошел, всё хвостом смёл. В колхозной казне ветер свищет. Забыли, паря, когда получку получали. Дак чо вам говорить, сами знаете... Но и без зарплаты робим и надеемся: очухается власть... И техника старе поповой собаки да и горючки нима... Короче, ни сохи, ни бороны, ни кобылы вороны... Ничо нету, один спирт. Шинкарки, что поганки, денно и ночью торгуют палёнкой, катанкой ...катышка звать... хошь пей, хошь за уши лей, хошь клопов травы – везде годится. Сколь народу с той катышки перемёрло!.. могилки-то ноне поболее деревни... Ухайдакали село...

– Ты, Громобой, кончай демагогу, – перебил председатель, – ты говори по-сучности...

– Ладно, по-сучности... Ну, покумекали мы в бригаде и вырешили: коль техники нима, горючки нима, надо переходить на конно-гужевую тягу. Трактористов послали осваивать вожделение коней и кобыл. Конюхом всенародно избрали деда Бухтина. Мартемьян Иваныч конево дело до тонкостей знает, при конях вырос. А ежели удумали переходить на конно-гужевую тягу, дак нам же кони нужны. А коней в бригаде раз два и обчелся. Приплод нужен... Ладно, пусть конюх доскажет...

Конюх, почесав плешь, а потом брюхо, продолжил сказ про гнедую кобылу Демократку:

– Вот мы и решили дая почину Демократку огулять, чтоб ожеребилась и приплод был... Но вот, паря, беда-бедушка: наши-то колхозные жеребцы обходят Демократку за версту. И не сказать, чтобы никудышка была, — брава кобылица. Дак вот горе, со звоном в голове. Завьет себе хвост и гриву, заломит шею и-и-и носится по деревне, будто очумелая. Ржет чо попало... Вроде, как дури нанюхалась... С греха с ей пропали. Одно слово, непутявка. Выпряглась из дуги... Но раз колхозу приплод нужен, то и Демократку надо огулять... чтобы, значит, жеребеночек был. Ладно... И порешили мы с бригадиром отвести Демократку в соседнее село к жеребцу Соколу. Авось покроет, не побрезгует... Ядре-оной конек. Бегунец, к тому ж. На Егорьев день у их конные бега, — бегунцов со всей деревни выставляют. Дак его, паря, ишо никто не одолел. Сокол, одно слово...

– Сокол? – прищурился председатель. – Какой ишо Сокол?.. Жириновского?..

Бригадир растолмачил:

– Какой Жириновский?! Сокол – жеребец породистый, из соседнего села.

– Шо ви Сокола суете?! – заартачился одыбавший Конский врач. – Знаю я Сокола – чума красно-коричнева...

– Сам ты чума, а Сокол – жеребец, на всю губернию прославленный... Вот мы и думали свести Демократку к Соколу...

– Шта-а эта такая!? – председатель скинул башмак, забухал каблуком по столу и взревел. – Вы шта-а, порядков нынешних не знаете?!

– Но, паря, вылитый Президент... – вслух подивился конюх, – ревет как бык нелегчанный¹⁴...

– Надо, перво-наперво, Президенту отписать. Чтобы тот, знаш-понимаш, с Президентом США согласовал, а потом уж... Ох вы, рожи неумытые!.. – ревел председатель, и шея его наливалась дурной кровью. – Как укажет нам Президент Америки, так и будем Демократку крыть...

– Ви шо таки думате?! – Конский врач сквозь круглые очёчки брезгливо оглядел правленцев. – Ви думате Демократка лошадь беспородная?.. Ви глубоко ошибаетесь, господа скотники и пастухи. Демократка – племенная и элитная. У ей же порода!.. ерусалимская казачья!.. – ветеринар вскинул указательный палец.

¹⁴ Нелегчанный – некастрированный.

– От, едрит твою налево! – председатель яростно скреб багровую шею. – Таку породу чуть не загубили...

– И шо я добавлю: мы эту породу веками в России выводили, – пояснил Конский врач. – Опять таки, с помощью Америки, Европы. В девяносто третьем чуть не загубили. Хорошо, мировое сообщество пришло таки на помощь, а то пропали бы...

– Кого вы брешете: иерусалимска казачья?! – возмутился конюх – У этой гнедухи вся родова из нашего колхоза.

– Шо ви говорите?! Ви шо, дед Бухтин, племенное дело в аспирантуре изучали?..

– Короче, — отрезал присидатель, — как Америка скажет, так и будем Демократку крыть.

– В США кобыл таки по науке кроют, — поддакнул Конский Врач. — А в нашей долбаной стране... Страна дураков, чо с её возьмёшь.

– Ты... – бригадир загнул матом, – ты, коновал хренов, страну-то не трогай, а то жогну в лоб, и улетишь в Америку... Ты по делу говори.

– Ишь какие мы деловые... менеджеры...— усмехнулся Конский Врач.

– А вот этих вот ухмылочек не надо, — бригадир зыркнул на ветеринара побелевшими глазами, того аж пот прошиб.

– Ладно таки, скажу по делу... Покроет Демократку Сокол, и какое от Сокола пойдет потомство?.. Пьяницы да тунеядцы?.. черносотенцы?.. Знаком таки я с этим жеребцом, у Сокола вся родова из белой конницы Буденого. Красно-коричневый, короче... И шо я добавлю: оно, конечно, господа конюхи, пастухи и скотники, вам таки решать – в стране свобода. А посему ...верно сказал Варнак Горыныч... надо таки провести с Америкой двухсторонние переговоры, а уж потом крыть... Тут же политикой запахло...

Бригадир съязвил:

– От тебя самого, Бухло, за версту политикой пахнет... гуманитарным спиртом, что из Америки послали безвозмездно... за пахотные земли под ихний полигон...

Когда бригадир толкал обличительную речь, Агдам Фрейдович то шаркал башмаками, то шумно сморкался, то прокуренно хрипел, то надсадно кашлял, то звучно портил воздух, поэтому правленцы толком не услышали, а посему и не поняли бригадировы слова. А Конский врач опять стал гнуть свое:

– Так что, господа конюхи, пастухи и скотники, будем таки ждать указаний из Америки. Может, пошлют демократического жеребца.

– Да-а... – возмечтал председатель, – нам бы жеребца демократического...

– Вы чо, мужики, с печки упали?! – ошалел бригадир. – Или вас пыльным мешком из-за угла отоварили?! Вы что, хотите, чтобы у нас американцы появились, и страну угробили?! Полмира угробили, и до нас добираются...

– Шта-а?! – председатель опять взревел на манер Президента. – Мы тока, знаш-понимаш, начали сношения с дорогим американским руководством... Лишаю тебя слова, Громобой... Короче, ближе к ночи... господа конюхи, пастухи и скотники, надо ждать указаний из Америки. А теперичи, все свободны. Конский врач... то бишь Агдам Фрейдыч... останься-ка, будем челобитную писать нашему Президенту, чтоб с Америкой согласовал...

* * *

Оставшись наедине с ветеринаром, председатель добыл из письменного стола бутылку коньяка, подаренную Анашой Героинычем, нацедил полстакана, а затем, одолев сомнения, плеснул и Конскому врачу. Едва разглядев на дне рыжое пойло, ветеринар посетовал:

– Шо ви, Варнак Горыныч, будто украли?! Плесните еще трохи...

– Мне бы тебе не плескать, а по харе дать. А ежли бы, Громобой, дознался, чем ты его отпоччевать хотел?..

– Не я хотел, *мы* хотели...

– Говорят же мужики, не умешь бздеть, не мути воду... Загремел бы напару с тобой, как соучасник...

– Не-е-ет, Варнак Горыныч, ви не соучастник, ви таки руководитель, – с бесовской ухмылкой пояснил Конский врач. – Если у Жириновского мама – русская, а папа – юрист, то у меня таки вся родня экономисты и юристы. И шо ви думаете, юристы бы не отмазали несчастного Агдама Фрейдыча?! Отмазали и доказали таки, шо я после долго сопротивления содеял это под дулом пистолета...

– Дак нету у меня пистолета...

– Как же нету, Варнак Горыныч?! – Конский врач вообразил себя не то сыщиком, не то юристом. – Как же нету пистолета?! А шо мы нашли в бане под полком, когда шмонали?..

– Ох и шельма же ты, Агдам Фрейдыч! – восторжено подивился председатель. – Палец в рот не клади, до локтя оттыпаешь, и скажешь, так було... А вроде простой Конский врач... Хотя какой ты врач, ежели на одесской толкучке купил диплом ветеринара. Ты и кабана-то не выложишь¹⁵...

– А ви скажите мне, по шо вам ветеринар, если в колхозе полтора козла и три кобылы?!

– Ладно, – махнул рукой председатель. – Давай лучше выпьем... за светлое будущее коммунизма...

– ...Капитализма, – поправил Конский врач.

– Во, во... И за наш совместный скотско-американский колхоз. С Америкой породнились. А могли бы и с Кавказом породниться, ежели бы не Громобой, олух царя великого... Фу, клопами пахнет, – опрокинув чарку, председатель сморщился, на заплатку не выберешь, и похулил коньяк, чтобы Конский врач больше не просил, а то надыбал халяву. – Нет, Агдам Фрейдыч, учше уж твоего гуманитарного спирта накатить...

Но Конский врач, калач тертый, воробей стрелянный, учуял председательский умысел:

– Шо ви говорите, Варнак Горыныч?! Если ви чуете, будто коньяк таки клопами пахнет, не пейте, плесните мне...

– Ладно, хва плескать, давай челобитную писать дорогому всенародно избранному... Адам Фрейдыч, записывай, диктовать буду ...

Огорченно вздохнув, Конский врач из чародейного сундучка с чашей и змеёй вынул папиросную бумагу, ручку и уготовился писать. Председатель, по-генеральски скрестив руки на груди, расхаживал по кабинету и диктовал, а Конский врач строчил письмо, с притворным восхищеньем закатывая глаза и цокая языком.

– Здорово, горячо любимый, принародно избранный товарищ...

– У совков¹⁶ были товарищи... – усмехнулся Конский врач.

– ...принародно избранный гражданин...

– Президент еще не в тюрьме... Надо: господин таки... – поправил Конский врач.

– ...во, во, господин... От имени крестьян сибирского колхоза имени Алена Далеса и по поручению мелкого и крупного рогатого, а так же комолого¹⁷ скота низко кланяемся за гуманитарный спирт из США. А посему, господин Президент, ежели чо, подсобим, даже и не сумлевайся. Оружьё, како имели, резво... резко сократили по уговору с США... Да, прямо скажем, изничтожили до последней берданки¹⁸. Разоружились, паря... А бьем челом, что надо срочно огулять кобылу Демократку. А то перестоится... А так же в связи с переходом на конно-гужевую тягу решили увеличить поговье коней... У нас по суседству, конечно, водится спец по жеребцовой части, Сокол звать, но больно уж старорежимный...

Конский врач уточнил:

– Черносотенный таки. Словом, комуняка, белогвардеец недобитый.

– Во-во... А посему сумление нас грызьмя грызет, дозволить ли Соколу Демократку огулять. Так что Вы уж покумекайте с Президентом США, как бы нам ловчее покрыть Демократку, и чтоб реформы взадь не пошли... и чтоб демократия не пострадала....

Конский врач отложил ручку и, потирая ладони, тонко намекнул:

– Чтой-то стали руки зябнуть, не пора ли нам дерябнуть...

Председатель выставил четверть гуманитарного спирта, но Конский врач, помня о коньячной заначке, кисло сморщился, проворчал:

– И шо, разве у нас таки благородных напитков нету, и мы должны таки пить американскую отраву?!

Председатель пустил мимо ушей напоминание о коньяке и звякнул своим стаканам о стакан Агдама Фрейдовича:

– За наше дорогое американское руководство.

– Кормилыцы...

– Поильцы...

¹⁵ Выложить – кастрировать.

¹⁶ Совок – советский человек.

¹⁷ Комоль – безрогий.

Неподалеку от колхозной харчевни «Плейбой», прижавшись к глухому заплоту, темнела легковая машина, и призрачный свет ночного, безлунного неба блуждал по черному капоту, по крыльям, по ветровому стеклу, где изредка вспыхивали красные сигаретные огоньки. Потом из легковухи ...похоже, размять ноги... вышли два бугая, закурили, молча поглядывая на красный фонарь, висящий над ветхим крыльцом «Плейбоя».

Под куваканье гармошки и разнобойное пение из-за угла вывернула ватажка ребят и девчат; поравнялась с черной легковухой, и не успели бугаи рта разинуть, как уже лежали в машине, туго спутанные, с кляпами из старой, вонючей мешковины.

А в блудном полумраке харчевни за обильно накрытым столом, посиживала хмельная компания: козел Борька в обнимку с козой Адой, Агдам Фрейдович Бухло в обнимку с Анашой Героинычем, у которого меж ног тайлся все тот же чемодан-кошелек; а во главе стола восседал Варнак Горыныч Продайземля.

Анаша настойчиво уговаривал председателя прихватизировать колхоз и продать ему или войти в долю; и опять восточный гость сладко пел о красивый гурия, с которой Варнак Горыныч будет возлежать на персидских коврах...

– Дак я, Анаша Героиныч, за милу душу, я красивый гурия люблю, но куда Громобоя деть?..

– Дарагой, не надо печаль, с Громобой будет говорить мой джигит... А пока прошу выпить наша дружба!

Коза Ада, мимолетно и по-лисьи вкрадчиво потираясь о плечо восточного гостя, разлила коньяк по рюмкам, и люди, а так же мелкий рогатый скот, в сладостном изнеможении прикрывая глаза, мыча и пристанывая, смачно чмокая, прихлебывали коньяк «пять звездочек». Коза Ада сунула Конскому врачу потертую гитару.

– Агдам Фрейдыч, подыграй. Сбацаю...

Конский врач со знанием дела подкрутил колки, пошипал струны и... заиграл, а коза Ада, вертя боками перед козлом Борькой, запела:

Надоели песни русски,
Надоела и кадрили.
Делай, Борька, обрезанье,
И поедем в Израиль.

Козел Борька задумчиво почесал промеж рог:

– Дак оно бы и не худо... в Израиль-то... всю жись мечтал, но вот, паря, обрезание...

Конский врач утихомирил пальцы на струнах и заверил:

– Шо ви боитесь, Боря?! Это же быстро таки. Даже не учуете... Могу таки хоть сейчас...

Конский врач отложил гитару, хватанул со стола нож, похожий на секиру, пошел на Борьку:

– Боря, ви ничего не бойтесь. Я таки вашего брата столько обрезал, шо мне это палец помочить...

Анаша Героиныч одобрил затею:

– Обрезайся, дарагой. Наш будешь, мусульман...

– В Израиле не любят мусульман, – вспомнила коза Ада.

– За деньги и мусульман полюбят, – заверил Анаша.

Конский врач же провел пальцем по лезвию секиры ...бриткая, для обрезанья в самый раз... и положил руку на Борькино плечо. Козел испуганно шатнулся, загораживаясь руками от Конского врача:

– Не, не, не!.. Агдам Фрейдович... Не, не!.. боюсь я обрезаться: как бы с корнем... а то и профессии лишусь...

Анаша взял у Конского врача секиру и, наотмашь, словно саблей, махнув секирой, громко возгласил:

– Хочу петь народный песня...

Гуленджан, Гуленджан,
На базаре лавка.
Мы торгуем баклажан,
Разный сорта травка.
Гуленджан, Гуленджан...

Конский врач стал подыгрывать на гитаре, и Анаша, зажав секиру в яростных зубах, зверски округляя глаза, пошел в пляс на кавказский лад. Потом, сабельно размахивая секирой, Анаша заголосил:

Если на гору залезть,
И с неё бросаться,
Очень много шансов есть
С жизнью растаться.
Гулэнджан...

Запыхавшись, Анаша пал в кресло, велел Конскому врачу налить коньяка, и когда народ и мелкий рогатый скот выхлебали коньяк, Борька врубил магнитофон.

Ты иди по жизни смело,
И кому какое дело,
Кто тебе в постели нужен,
Это – секшэн революшэн!..

На «белый танец» коза Ада позвала Борьку козла, Конский врач – Анашу, и хмельная бражка стала выплясывать чтой-то дикое. И вдруг... испуганно поморгав, погас свет и, словно в тошноте, захлебнулась музыка; покойничьи лунный свет сиял в незашторенном окне, нет-нет да и заслоняясь человечьими тенями; слышались тяжелые шаги, голоса...

– Погром! – голос Агдама Фрейдыча прозвучал в тишине громом; хмель улетучилась, и Конского врача затрясло в ознобе.

Анаша кинулся к председателю:

– Дарагой, почему света нету?

Председатель не мог и словечушка вымолвить, зуб на зуб не попадал, и козел Борька пояснил:

– Дак свет же в Ботале от движка, а солярки мало, в двенадцать и вырубают...

Конский врач глянул на часы со светящимся цифирблатом и прошептал:

– А сейчас таки и десяти нету... Погром...

Тут и погромно распахнулась дверь, и с шалым ветром нагрянула в «Плейбой» суровая ватага. Два мужика, по очеса утаенные черными косынками, опрокинули стол с закусками, а потом скрутили Анашу и поволокли на воздух. Все оторопело молчали, лишь лаялся гость восточный:

– Да будут прокляты вы и ваши потомки!.. прокляты до седьмого колена! И месть моего рода падет ваш род!..

Мужик ...по голосу, вроде, бригадир... внушал Анаше:

– Тебе же ...разный сорта травка... тебе же сколь талдычили, что у нас в деревне парни вольные. Руки, ноги выдернут и скажут: "Так було..." Тебе же советовали: убирайся по добру, по здорову со своей травкой. Не вводи в грех... Не послушал, дак и получай...

* * *

На лавочке возле правления колхоза посиживал Илья Громобой и под гармошечьи переборы напевал:

Во субботу, день ненастный,
Нельзя в поле, эх,
Нельзя в поле работать.
Нельзя в полюшке работать,
Ни боронить, эх,
Ни боронить, ни пахать.

Тут мимо гармониста, словно очумевший конь, галопом проскакал конюх и, взлетев на крыльцо, торопливо октясь, возопил:

– Убью, анчихриста!.. Застрелю Фармазона из поганого ружья!.. Прости мя, Господи!.. – старик опять осенился крестом.

Гармошка умолкла затихла.

– Ты что, дед Бухтин, с цепи сорвался?!

– С цепи... С рогов сорвался, Громобоюшко. Едва ноги унес от дикого быка...

И тут бригадир увидел, как подле вывески «Колхоз имени Алена Далеса», широколобый бык яростно роет копытами землю и, круто угнув шею, исподлобья глядит на мужиков налитыми кровью, свирепыми шарами. Бригадир отложил гармонь и, подхватив жердину, что валялась в траве у палисада, пошел на быка. Озверевшая скотина рванулась встречь, но бригадир так огрел жердиной промеж рог, что бычара вдруг рухнул на передние копыта и низко поклонился Громобою.

– Еще хочешь? – громко спросил бригадир, и бык, злобно глядя на мужика, помотал головой, потом одышливо поднялся с колен и, обиженно, утробно мыча, шатким шагом побрел от конторы.

Конюх, спустившись с крыльца, куда от страха залетел, кулаком погрозил вслед быку.

– Как ишо не запорол... Фармазон дикошарый...

– Теперичи уже не Фармазон, Конский врач его Бжезинским кличет, – бригадир засмеялся, а конюх обиженно шмыгнул носом:

– Ага, тебе хаханьки, а я чуть живота не лишился... Бжезинский?.. И в честь кого быка повеличали.

– Да вроде Далеса. Спит и видит, как бы Россию уханькать...

– Ну, тогда, паря, одна холера – фармазон... И бык не чишше. Чуть, паря, на рога не одел... Как ишо успел на крыльца залететь...

– От ить, язви его в душу, – подивился бригадир нежданной, забавной мыслишке, – какая кличка у скотины, таков и норов. Взять того же быка Бжезинского, бывшего Фармазона... Зверь, не бык. Проходу не дает. Того гляди на рога вздымет...

– Верно, Громоюшко, – согласился конюх, – верно насчет кличек-то... А взять нашу кобылу — ить с придурью дика барыня, потому как звать Демократка. А была бы по-старинке — Гнедуха, дак и вела бы себя, как Гнедуха... А взять козла Борьку или козу Аду... А вот и они легки на помине, явились не запылись...

Подчалил козел Борька с магнитофоном, что ревел как бык Фармазон:

Ты беременна, ты беременна, ты беременна на-на-на-на,
Но это временно, это временно, это временно на-на-на-на,
Но ты беременна, ты беременна, ты беременна на-на-на-на,
Но это временно, это временно, это временно на-на-на-на-на-на-на.

Следом за козлом, словно манекенщица, шла вертлявой походкой коза Ада.

– Обалдуй, выруби трубу иерихонскую, – велел конюх, и Борька осадил магнитофонный рев..

Из конторского окошка выглянул Конский врач, позвал народ и мелкий скот на совещание; и когда все расселись на лавках, председатель вынул из портфеля бумаги и, привычно звякнув коровьим боталом, оповестил правление:

– Господа скотники, пастухи и конюхи, а так же козлы и козы, пришла рекомендация от нашего дорогого американского руководства...

– Шибко уж, паря, долго бродила ваша грамотка, — усмехнулся конюх, – Демократка извелась в труху, ответ ждала от президента США. С греха с ей пропал...

Председатель и так, и эдак покрутил американскую грамотку, даже подставил солнечному свету из окна.

– Письмо из Вашингтона получили, но тут же по-американски писано. Не разбери поймешь... Кто растолмачит?

Бригадир кивнул на конюха:

– Дак у нас дед голован: по-всякому базлает, особливо ежли примет с устатку...

Конский врач вскрыл чемоданчик с зеленой змеей, достал бутылку гуманитарного спирта налил в граненный стакан.

– Выпей, дед Бухтин, за наше дорогое американское руководство.

Конюх брезгливо отодвинул стакан:

– За наше дорогое не буду... Варнак Горыныч, давай филькину грамоту, я и без рюмки дословно переведу. Хошь там и по-американски писано. Поглядим чего ихний Президент накалякал, – конюх церемонно уместил на носу потресканные, мутные очки и сухо сплюнул. – Тьфу!.. вижу грамотешки-то у Президента с гулькин нос... Ладно, читаю дословно. «Гуд бай...» По-

нашенски будет: здоровеньки булы... «Шта-а эт вы удумали, сибирски катанки?! Вам что, овчины кислы, показать, где в Ираке раки зимуют?! Мигом устрою... Я вам такую "Бурю в пустыне" налажу, что вы у меня запляшете... сербияночку, как в Сербии... И Лазаря споете... Я вам покажу япону мать на Курилах... Я вам, сиволапые, дам прикурить на Курилах...»

Бригадир оценил речь Президента:

– Лается, чисто Козел Борька, когда на развезях. Никакого почтения к русским. Не церемонится с нами.

Конский врач криво усмехнулся:

– А что с нами, дураками, церемониться, ежели не умеем цивилизовано жить.

Председатель побреньчал боталом для тишины:

– Читай, дед Бухтин, кого там ишо пишет Президент США.

– Читаю... «Короче, никаких Соколов... Ишь тоже мне нашелся Сокол Жириновского... У ваших жеребцов ни кожи, ни рожи. От ваших жеребцов пойдут пьяницы и тунеядцы, дураки и черносотенцы. Ваш жеребец Сокол — сталинист и монархист, чума красно-коричнева, сволочь белогвардейская. Ноне это не пройдет — кругом слабода и сплошная демократия. А посему не смейте своевольничать. И чтоб никаких Соколов... А мы вам зараз с инспекцией — ваше оружие проверять — пошлем и жеребца-демократа. Оне, демократы, кобыл крыть большие мастера. В Европе всех огуляли, теперичи до ваших добрались... Ждите нашего жеребца — шибко породистый, Де Бил звать. Он и цивилизованно покроет, и все будет о кей, ООН и большая семерка... На этом с приветом Ваш Президент США...» – конюх прислонил филькину грамоту к самым очкам. – Не могу подпись разобрать... Не то Дебил Клином, не то Убил Клином. Но с приветом...

– Верно что, с приветом, – кивнул бригадир.

Конюх повертел писулю:

– Писал писака, имя ему собака...

Козел Борька вдруг весело, блеюще захохотал, а председатель испуганно выхватил письмо из дедовых рук. Коза Ада завистливо вздохнула:

– Везет же дурочкам... Может, Де Бил нашу кобылу в США возьмет... – коза Ада, поразмыслив, обратилась к председателю. – Варнак Горыныч, а нельзя ли заодно и козла американского выписать?

– Почо?

– Да покрыться бы цивилизовано...

Не успел председатель ответить, как Борька Обалдуй треснул по козьей хребтине:

– Я те покроюсь!.. Я сам скоро уезжаю в США...

Прочитали правленцы указания дорогого американского руководства и пригорюнились. А присидатель с перепугу пошел было штаны в речке стирать. Да... А тут бригадир ...мужик битый, его демократы на митинге били... вскочил и, размахивая рукой, словно саблей, буром попёр на председателя:

– Ты, Варнак Горыныч с перепугу в штаны набуровил... А меня на арапа не возьмешь! Я мужик пуганный... и битый, и контуженный. У меня, ежели чо, и справка есть... А эту Америку видал я в гробу!.. и в белых тапках!.. Не будем мы америкашкам в ножки кланяться

– Задрипанной Америке абы чужой народ булгачить да земли зорить, – встрял и дед Бухтин. – А уж над Ваней русским поизголяться, хлебом не корми... Да Англия ишо крутит-мутит... У их же глаза завидушши, руки загребушши... Но да не все коту Масленка, придет и пост, прижмет хвост. Господь-то не Микишка, даст по лбу, будет шишка...

Тут председатель привычно скинул сапог, забил каблуком в столешню и взревел диким президентским голосом:

– Шта-а?! Да как вы смеете языком трепать, ботала коровьи?! У нас слобода слова!.. А посему не смей у меня ругать Америку с Европой. Они нас учат свободу любить, кормильцы наши...

– ... и поильцы... – икал Кнский врач, зажимая икоту ладонью

– Вот откажут нам в гуманитарной помощи, дак и передохнем все – разорядся председатель.

– Третьего дня пришла, говорят, помощь из Америки...

– ...по аршину веревки на душу населения... – уточнил Конский врач, – и даже таки намылена. У их же сервис... Мой брательник, Лёва Бартер, будет таки менять гуманитарную помощь на шерсть и яйца. Так что, сдавайте, мужики, у кого шо есть. Получите веревки...

– Насчет шерсти у меня туго... – конюх почесал плешь. – Нету у меня шерсти...

– Зато у нас есть светлое будущее кумунизма... —присидатель аж сплонул от досады. — Тьфу!.. капитализма.

– Спирту бы еще подбросили, – размечтался Конский врач, – на операции... да и закуски бы...

А бригадир, мужик дошлый, повертел грамотку нашего дорогого американского руководства и стал её мять – до ветру согодится. Конюх засмеялся, и козел Борька весело заблеял, но тут председатель вылетел из-за стола, накинулся коршуном на бригадира и выхватил мятую грамоту.

– Ты шта-а это, бесстыжа рожа, вытворяш с документом нашего дорогого руководства из США?! Ты у меня, чухонец замшальный, допрыгашся... до каталажки¹⁹.

Конский врач презрительно покосился на бригадира:

– Шо я вам таки гово~~ри~~л?.. А то гово~~ри~~л, шо худо у вас с менталитетом...

Конюх прервал Агдама Фрейдовича:

– Не вем, как у ты с менталитет, но я одно не разумею, как это ихний жеребец Де Бил Демократку цивилизованно покроет? Это как?.. Ох, боюсь, оне в Америке, в Европе с перекосом по жеребцовой части, да, прямо сказать, извращенцы... Я вот допрежь видел в кине... Тут к нам американскую картину привозили. На ферму. Для быков-производителей... Но, паря, быки глядеть не стали, застеснялись – срамотишша... Но я, покаюсь, грешным делом замест быков маленько поглядел. Попутал меня бома²⁰, проси мя, Господи... Посмотрел я, паря, и вроде помоев нахлебался. Потом два дня плевался. Да...

Бригадир обреченно махнул рукой в сторону США:

– Видать, такая у их жизнь в Америке... Живут как нелюди и помрут как непокойники. И как ишо детей растут, ума не приложу.

Конюх продолжил:

– А может, того... может, ихний жеребец Де Билл тоже с перекосом по жеребцовой части?.. Поговаривают, в ихней США и в ихней Еврое сплошь и рядом мужики промеж себя живут. И бабы с бабами... При Сталине к стенке бы поставили. Да... Ох, как бы нам, господин-товарищ присидатель и господин-товарищ Конский Врач по женским болезням... прошу прощения... Адам Фрейдыч... как бы нам с ихним жеребцом не вылететь в трубу. Опять же, Де Бил послан в Ботало в виде безвозмездной помочи... за сто гектар лугов под ихний ракетный полигон...

Бригадир в сердцах выругался:

– Дак у нашего присидателя, дед Бухтин, фамильё какое?! — Продайземля... Все продаст...

Конюх согласно покивал головой:

– Трудно быть у воды и не напиться – не слямзить чего... Абы карман набить, о народе же душа не болить...

– Короче... – бригадир подошел к председательскому столу, – короче, я отказываюсь от жеребца заморского. Не хватало нам ишо ихнего Де Билла.

Председатель опять стукнул сапогом по столешнице:

– Ты шта-а это опять, чума красно-коричнева?! Хочешь, знаш-понимаш, спортить наши сношения с Америкой?! Белогвардеец недобитый, комуняка недоношенный. Тебе дали указания в США?.. Дали!.. Вот и сполняй, как велено, и неча мне демагогу разводить...

— Хоша ты и присидатель, — бригадир-то ему в сердцах, — а калган²¹ у ты совсем не варит. Тока кепку и носить. Тебе и стыд, что дым, глаза не выест... Все продал, промотал... Верно что, — Продайземля... Тебе хошь в лоб, хошь по лбу, одна холера...

И бригадир так хлопнул дверью, что в серванте зазвенели граненные стаканы. Следом тронулся и конюх; но, обернувшись, плюнул в председателя:

– Тебе, Варнак Горыныч, хошь наплюй в глаза, всё Божья роса. Сраму не имашь, бома²² ты побери. Ну, да кто враньем живет, того Бог зашибет.

Председатель сурово погрозил пальцем:

– Ты, дед Бухтин, язык-то придержи, знаш-понимаш, а то вмиг укоротим. У нас теперичи плюрализм... Это тебе не советка власть, чтобы глотку драть...

¹⁹ Каталажка – здесь в смысле тюрьма.

²⁰ Бома — чёрт.

²¹ Калган – голова.

²² Бома – бес.

С резными наличниками и карнизами, причелинами и полотенцами²³, добротная бригадирова изба солнечно сияет свежими венцами; и с высокого речного берега пристально озирает село Ботало вольно отпахнутыми окнами. На лавочке возле черемухового палисада посиживает бригадир, рядом – конюх с уздой.

– Ну, чо, Демократка дурит? – улыбнулся бригадир.

– Кого дурит?! – конюх гневно взметнул руки. – Совсем с ума сдурела... Чо деецца на белом свете!.. Глаза б мои не глядели... Зашел я вчерась на конюшню, а та-ам!.. мамочки-родны!.. слобода и сплошная демократия. Лихо смотреть. Мне аж тошно стало...

– Бардак, поди?..

– Но, пыль столбом, дым коромыслом, не то от пляски, не то от таски. Короче, охальная демократия... Кобылица наша, как прослышала по сарафанному радиву, что из США к ней хачель едет, Де Бил звать, дак, вроде, с печки упала. Совсем рехнулась гнедуха. Хвост кудрями завела, а из гривы таку, паря, копну начесала...

– Ты, дед, отстал от жизни, – растолмачил бригадир, – это же мода американская. В нашей цирюльне так и прописана: «Ни одна я в поле кувыркалась...»

– Слышал... Ишо говорят: «Я у мамы дурочка...» Дак чо дальше... – продолжил конюх. – Ладно, завилась, начесалось, на то и кобылица молодая, чтоб дурью маяться. Дак чо удумала, дикошара... Из хольшовых кулей ...в их комбикорм свиньям возили... шаровары замастрячила. Кажись, лосины звать, вроде как у лося... А на круп, язви ее в душу, нашлепку прилепила: американский флаг – вроде, полосатой матрасовки або лагерной пижамы. Да... А губы-то, паря, губы-то свеклой намалевала... прямо, как эта... прости, Господи. – конюх набожно перекрестился. – Да курит ишо и жувачку изо рта не выпускает. Да такие пузыри надуват – поросёнок чуть со смеху не пропал. Едва отвадился...

– Этот поросенок-то: беженец из суверенного колхозу? – спросил бригадир. – При конюшне столовался?..

– Во, во, он самый... квартирант... Дак чо, увидал поросенок – Демократка пузыри надуват – так и давай со смеху кататься. Как ишо не помер, бедалага...

– Да-а-а, паря, дела, как сажа бела, – бригадир осерчало поскреб затылок. – Но чо будем делать?.. Ты у нас, дед, голован, да ишо и принародно избранный конюх, так что решай...

– Я, Громобюшко, так смекаю: когда американский Де Бил дотащится до нашего сибирского колхозу, это сколь же воды утечет?! Покуль трава растет, корова сдохнет...

– И то верно... А колхозу приплод нужен... позарез.

– Да-а, Громобюшко, прикинул хвост к носу и решил: надо темной ночью, когда еще черти в кулачки не били, пойти супротив рекомендаций дорогого американского руководства; надо твести Демократку к жеребцу Соколу... Авось, подсобит заради конского поголовья и гужевого транспорта.

Бригадир с удивлением и восхищением оглядел мелкого конюха:

– Ишь ты, дед Бухтин!.. и борода лопатой, и ума палата. Тебе бы, дед, не в навоз убирать, а в Думе заседать...

Конюх досадливо отмахнулся:

– Мне и при конях ладно... Перво-наперво, Ильюша, ночку надо выбрать, чтоб теме-е-ень, хошь глаз коли...

– А это ишо почо?

– А чтоб американцы нас со спутника не углядели. А то шарахнут сдуру, как по Ираку, або Сербии, дак, паря, и костей не соберешь.

Бригадир опять подивился конюховой сметке:

– Ишь ты, всё прикинул. Вот тебе и дед Бухтин, вот тебе и баешник-бодяжник²⁴.

Конюх скромно опустил глаза долу:

– Бодяжник бодяжнику не ровня. Один балагурит для потехи, чтобы зубы мыть, а другой грусть-тоску разгонит и уму-разуму научит.

– Ладно, дед, поведем Демократку к Соколу. А там уж чо будет, то и будет. Либо сена клок, либо вилы в бок.

– Ничо-о, Бог не захочет и прыщ не вскочит, – дед Бухтин перекрестился.

²³ Причелины и полотенца – элементы избыной резьбы.

²⁴ Бодяжник – мастер сказывать бодяги (потешные случаи).

Поздним вечером бригадир и конюх вошли в конюшню и оторопели: на столе четверть самогона и закуска; у Демократки губы накрашены сиреневым цветом, грива стоит дыбом, Демократка крупом вихляет, будто в ее хольшовые лосины крапивы напихали, и ревет лихоматом, вроде по-аглички поет. А козел Борька ...дурак дураком... перевернул помойный таз и наяривает по дну березовой колотушкой, а рядом коза Ада вихляется под Борькин барабанный бой. Короче, не конюшня, а дом кверху дном... Бригадир увидал бедлам и аж весь остолбенел; стоит как столб вкопанный, и одно лишь молвит:

– Ну, кобыла, а! Ну, Демократка!.. Нагляделась видиков. Образ жизни ведет... шалава... Кого ты орешь, как сумашедчая?! Кого ты базлаш лихоматом, башка мякинная?!

А Демократка пуще заревела под Борькин бум:

Я буду плакать и смеяться,
Когда усядусь в мерседес.
Американ бой,
Возьми меня с собой

– Это она американского жеребца поминат, Де Бил который, – пояснил конюх бригадиру, и тот плюнул через левое плечо, где незримо крутится-вертится анчутка беспятый²⁵:

— Ты, Демократка, как пень в поле, дурная, хошь и тело нагуляла... Да ты же, мякинна твоя голова, эдаким крупом мерседес в лепёшку раздавишь. И этого... дурака американского... и того раздавишь, как клопа...

– Оне же малахольны, эти самые американцы, – пояснил конюх. – А ты же у нас дева — о! В воротья не пролазишь. Да с твоими телесами, девча, токмо на завалинке сидеть. Орехи щёлкать. А ты мерседе-ес... А лучше, дева, пойдём к Соколу. Окрутим вас ладком и мирком...

– Почо тебе Де Бил американский?! – завершил беседу бригадир.

Взвыла Демократка благим матом:

– Чума красно-коричнева!.. Не смей оскорблять Америку! Ноне свобода и сплошная демократия. Ко мне Де Билл американский едет... Бой фрэнд... А ваш Сокол — сталинист и монархист, чума красно-коричнева!.. У его вся родова из белой коницы.

– Ах ты, курва с котелком!.. – осерчал бригадир. – Ты у меня, дика барыня, счас по-другому запоёшь. Извадили тебя – талдычили: эли-итная, эли-итная... Совсем из дуги выпряглась... Я тебе такую чуму покажу, век будешь помнить.

— Не сме-ете, — заблеял козёл Борька. — Права кобылы нарушаете. Я буду в Америку писать...

— Дак это ты её, дуру, подучил. От, обормот, а! Сам баламут и народ баламутишь. Права захотел?.. На, получай...

Подхватил бригадир совковую лопату, чем навоз выкидывали, и ка-ак саданул Борьке по рогам, тот аж на задние копыта сел и глаза удивленно вылупил. А как очухался, опять заблеял:

— Права козины нарушаш. Вот как в «нату» напишу, да как пригонят «голубые каски» в ваш колхоз поганый, так от вашего колхозу одне пеньки останутся.

Взбеленился бригадир и опять схватился за совковую лопату. Тут бы козлу Борьке и смертушка, да успел, ноги в горсть и дёру вслед за козой Адой.

— А теперичи, милая, за тебя возьмусь, отбуцкаю березовым дрыном, и вся дурь вылетит, — посулил бригадир кобыле, и долго чикаться не стал, ухватил ременные вожжи ...благо, не дрын... и давай охаживать Демкратку, учить уму-разуму; учит да еще и приговаривает. – Толк-то есть, да не втолкан весь.

Вот и втолкан весь. Отбуцкал, так с её дурь махом и слетела, вместе с нашлапкой американской; шёлковая стала... Оно, конечно, попервости воем выла. А бригадир ишо и подразниват:

— Поплачь — дам калач, повой — дам другой.

И конюх приказывает:

– Батожье — древо Божие: терпеть можно.

– Ты, дед, расчеши-ка ей пакли, а то они у ей, что кочка на болоте. Да помаду свекольную сотри, чтоб Сокол не испужался...

²⁵ Анчутка беспятый – бес.

И хотя Демократка сперва противилась, все же конюх крупным гребнем расчесал кобылью гриву, холстниной утер морду и довольно оглядел гнедую:

— О, теперичи и на лошадь похожа, а то была чисто блудня вавилонская, прости Господи...

Поревела-поревела Демократка, да и утихомирилась. Деваться некуда. Взяли мужики её под уздцы и повели к жеребцу Соколу...

* * *

Конюх потом вспоминал: «Повели мы Демократку к Соколу, а ночка, паря, тёмна-тёмна, хоть мажь на сапоги вместо дёгтя. И спутник американский низко над колхозом спустился. Высматриват, змей летучий, чо в колонии творится. Видит, зашевелились, а чо удумали, разобрать, паря, не может. Да... Психует, лампами моргат. Того гляди перегорит ишо...»

Бригадир погрозил спутнику кулаком:

— У-у-у, тарелка хренова!.. дождешься, шайка банная. Вот бердану²⁶-то почищу, картечью заряджу, дак и сшибу тебя, керосинка лешева...

На бригадировы глаза вывернулся березовый сук, Громобой подхватил сук, прицелился в спутник, вроде из ружья, нажал курок, и послышался бывалому солдату вой падающего самолета и взрыв...

А конюх по-житейски рассудил:

— Вот, паря, многим эти тарелки видятся... которы неопознанны американски, НЛО звать... а по мне дак с кашей бы тарелка опустилась. С гречневой... Или чо, у тарелок летающих кишка тонка, чтоб с кашей... с гречневой?..

Бригадир прижал палец к губам и покосился на конюха страшными глазами:

— Тише, дед, не бухти!.. Не дай Бог высмотрит... А то, в сам деле, шарахнет, как по Сербии... Устроит нам Ирак, бандюга...

В соседней деревеньке встретил мужиков тамошний конюх и провел к Соколу. А жеребец по конюшне в похаживает, копытами постукивает, из ноздрей дым валит, из-под хвоста головешки летят, — эдакий сивка-бурка, вещая каурка.

Конюх удивился:

— От ить, паря, реформы свалились от нашего дорогого американского руководства — голод, холод; иные жеребцы копытя отбросили, а Соколу хошь бы хны. Соломой да свежим воздухом кормится, а гляди, паря, кака силишша в жеребце играт. Тут американскому Де Биллу и делать некого...

Ладно... лишь заикнулись мужики про Демократку, Сокол на дыбы:

— Я, паря, не знаю, с кем она ишо гуляла... Слышал, демократка ишо та...

— Ты, паря, не переживай, — успокоил бригадир. — Она же демократка-то по дурости своей да и без году неделя. Не успела развратиться... Да я её маленько поучил... вожжами, лишню дурь-то выбил... На конную тягу переходим — лошади нужны...

* * *

Конюх вспоминал потом: «Короче, паря, огулялась Демократка. Ожеребится, будет приплод от Сокола вопреки нашему дорогому американскому руководству... И не пьяницы, не тунеядцы. Сокол — трудяга, и в рот не берет, и не любит тех, кто пьет... Придёт времечко, будет у нас в колхозе и табун лошадей... Ладно... а третеводни встречаю Демократку: ожеребилась, с жеребенком по луку гулят. А я её давненько не видал — на летнем пастбище жила...»

Увидела гнедая конюха, весело ржет:

— Здорово, Мартемьян Иваныч,

— Здорово, Демократка.

А кобыла машет гривой:

---

²⁶ Винтовка Бердана (разг. берданка) — однозарядная винтовка, состоявшая на вооружении Российской Империи во второй половине XIX века, а по русским деревням сохранялась до середины XX века.

— Обижаете, Мартемьян Иванович... Я же фамилию сменила. А то чо же, дали кличку срамну — Демократка. Как ишо Приватизацией не обозвали. С их бы стало... А пишуся я, Мартемьян Иванович, ноне по отцу — Гнедуха. Да у меня и масть такая — гнедая...

— Вот оно и ладно, — улыбнулся конюх.

— И какая же я дура была набитая, — помянула старое. — Стыд и срам сказать, тошнее вспомнить. На придурка американского позарилась. А здесь такой Сокол скучал.... Так что спасибочки вам. Вы мне с бригадиром теперь что отцы родные. Из такой беды выручили...

— Жеребенок-то здоров?

— Здорово-овенький... весь в папашу... Сокол вылитый. От темна до темна носится, как угорелый, не приляжет...

Конюх потом вспоминал: «Вот такая, мужики, петрушка вышла. Детектива охальна... А этот жеребец американский — Де Бил звать — до нашего колхозу всё ж таки добрался. Но, скажу я вам, мужики, против нашего Сокола — тьфу, соплей перешибёшь. Вроде и на добрых харчах жил, а такой задохлик. Ветром качат. Не в коня, видно, овёс... Ну, прикатил к нам этот Де Бил американский. Сунули мы Де Билу древнюю кобылицу — Роза Люксембург звать. Присидатель кличку дал ишо при социализме. А поменять забыли. Но мы её просто, по-улишному, Розой кликали. Старая, старе поповой собаки... столько и не живут... Роза по конюшне идёт, а я следом за ней песок подметаю — сыплется же... Хотели мы Розу на шкуру сдать, а тут на тебе, сгодилась на старости лет. Окрутили мы её с американцем, и все довольные...»

Посудачили конюх с Гнедухой, дед ушел, но явился козел Борька, пьяный в дымину, и горланит на всю улиц, горлапан:

— Иде свобода, иде демократия?!

— Чего, Обалдуй, реवेशь, как недорезанный?.. Опять в стельку пьяный?! Опять куралесишь?!

«А Борьке было с чего веселиться, — поминал конюх. — В наш колхоз прикатил американский президент... как его?.. Убил Клином или Дебил Клином... вышибло из памяти. Но, вроде, Клин... У присидателя колхоза гостил. А тот убился, в лепепёшку расшибся, не знал в какой угол посадить, чем отпотчевать. Напитков, наедков, полон стол. А из каких сусеков нагреб, леший его знат, ежели колхоз на ладан дышит, ежели колхозники уж год зарплату в глаза не видели. На подножном корму перебивались... Ладно... Присидатель-то подпил, и толи сдуру, то ли в лапу ему сунули, старые пашни взял и отдал американцам под ихний полигон, чуму красно-коричневу бомбить... Посулил и сенокосные луга... Ладно... А Борька ...тоже, паря, подпил... пляшет перед Клином и срамные частушки горланит.

Пароход плывет,
Прямо к пристани.
Будем рыбу кормить
Кумунистами!..

Я с матаней спал на бане,
Журавли летели,
Мне матаня подморгнула,
Башмаки слетели...

Мужики поплевали на соромщика, а Клину, паря, глянулись частушки, посулился в Америку взять. И взял бы, да Борька возьми и загуляй на радостях. Запился в доску. Уж и паспорт загранишный справил, деньжонками разжился, уж и сидел на чемоданах. Дак, нет, зараза, упился пьяней вина и пошёл по деревне куралесить — блудный дом искал. А у нас в деревне где его найдёшь?! у нас народ тёмный, по старинке живём... Не нашёл Борька блудный дом, разорался: иде свобода, иде демократия?! И за что кровь проливали, ежели публишний дом в деревне не открыли?! И открыл бы, с Борьки случилось бы... да беда с им вышла... Встретил Гнедуху ...колхозная кобыла... хотел вписать её в публишний дом. А Гнедуха ...лошадь колхозная, старорежимная... в сердцах-то возьми да и лягни Борьку... да прямо, паря, в имущество и угодила... При смерти лежал. Но одыбал, а радости мало — инвалид и без имущества. А кому в Америке козел нужен, ежели без имущества?! Но чо, пришёл в правление колхоза, слезьми уливатся, взад просится. Пожалели, оформили козла сторожем, капусту караулить...»

Ранним утром бригадир и конюх посиживали на лавочке возле правления, и глядят: мамочки родны!.. козел Борька мимо конторы ковыляет и поет слезливо:

По приютам я с детства скитался,
Не имея родного угла.
Ах, зачем я на свет появился,
Ах, зачем меня мать родила...

– Здорово, Обалдуй! – крикнул бригадир. – Куда в такую рань копыта навострил?

– В Америку, поди... – съязвил конюх.

– Ага, в Америку... – досадливо отмахнулся козел Борька. – Пенсию оформил... по инвалидности... Да пенсия-то — слезы, кот заплакал. Даже на сено не хватат... Хочу опеть в колхоз вписаться... – козел жалобно, с надеждой заглянул в бригадировы глаза – Может... того... Илья Егорыч, может, в бригаду возьмешь?.. Слезьми прошу...

Бригадир почесал в затылке и со вздохом покачал головой.

– Даже и не знаю, Обалдуй, куда пристроить тебя. Ненадежный ты козел... — в поле ветер, в заде дым.

– Исправлюсь, какие мои годы...

– Да и пьешь, пока мордой в грязь не упадешь.

Конюх согласно кивнул головой:

– Утром зайдешь к нему в стайку, а он уже лежит... рога в пол... пьяней вина.

Козел Борька чиркнул ладонью по горлу:

– В полной завязке, мужики, вшился...

Сжалился конюх, попросил бригадира:

– Ладно уж, Громобоюшко, пожалей козла. Оформи сторожем, капусту караулить. А там поглядим... А где твоя коза дачная... Ада, кажись?

– В Израиль сбежала...

– Ладно, мужики, хва трепать языком, что хвостом, – осек бригадир. – Счас явится присидатель, будет прихватизировать колхоз. Дадим Варнаку ограбить нас средь бела дня?

Конюх встрепенулся петухом:

– Дадим... по толстому загривку. И будет не богат, а горбат... Не-е, бери, Громобоюшко, власть в свои руки. На тебя надёжа...

– Колхозники тебя, Громобой, все поддержат, – заверил козел Борька – Я в перву голову...

В контору рысью пробежал председатель с портфелем подмышкой, велел правленцам зайти в кабинет, и когда те уселись на лавке, сказал:

– Надо нам, господа, скотники, пастухи и конюхи, колхоз приватизировать. Я скупаю все акции. Но коль наш колхоз – добро бесценное, беру даром.

Бригадир возмутился:

– Да вы и так растащили весь колхоз, кто за гриву, кто за хвост. Каку холеру у нас ишо прихватизировать?!

– Земля осталась, – ответил председатель.

– Всё хошь прибрать к рукам напару с Конским Врачом...

– Сообщаю: Конского врача... то есть, Агдама Фрейдыча Бухло я послал к Анаше Героинычу налаживать скотско-азиатские сношения.

– Понятно... Значит, хошь всё прихватизировать в свой карман. А нам шиш...

– Смолоду шарaborил по чужим дворам, – вспомнил конюх. – Бывало, чо худо лежит, у его уже и брюхо болит, стибрить охота... Бывало ишо и помолится на ночь глядя: Господи, в чужу клеть впусти, помози нагрести да вынести.

Бригадир грозно вздыбился над председателем:

– Я те чо, Варнак Горыныч, скажу: колхоз наши деды с отцами создавали... потом и кровью. И нам передали. И не тебе распоряжаться народным добром.

– Шта эта ишо за демога?! – привычно заревел председатель. – У нас теперичи сплошная демократия, слобода слова, и не сметь мне перечить... Заводы и фабрики добры люди давно уж прихватизировали, пора и за землю браться... Так что, подпишите, что согласные насчет прихватизации земли.

– У нас ничего не осталось... – зло сказал бригадир

– Да уж, ни чирка²⁷, ни обутка, – досказал конюх

– ...ничего не осталось, кроме земли. Наши отцы и деды за землю головы сложили...

– Ты, Громобой, мне демагогу не гони. Давай, подписывай...

²⁷ Чирки – вроде лаптей из сыромятной кожи.

– Счас подпишу... – бригадир, оглядевшись вокруг, высмотрел в углу свернутое в трубу, красное знамя на березовом древке; подошел, взял в руки знамя и огрел по председателю.

Председатель, с воплем опрокинув стул, сломя голову кинулся из кабинета, но бригадир успел еще раз огреть по председательской хребтине, а конюх крикнул вслед:

– Любишь, Варнак, чужу бороду драть, люби и свою подставлять...

«Вот так, мужики, и живём, хлеб жуём, а ино и посаливам, – ведал потом конюх. – Да-а, чуть не забыл... Когда открылось нашему руководству из Америки, что Демократка с Соколом сошлась, начал, паря, зреть скандал. Ихний президент... Забил Клином, кажется... нашего президента пужнул: дескать, войной пойду, и тебя на сухой осине повешаю. Наш и утух, посулился землю Америке продать. По дешёвке, конечно... Коль заводы уж продали, пора и за землю браться. А потом дал разгону нашему присидателю и даже Конскому врачу по женским болезням. Те перепужались и тут же подали в отставку. Укочевали в США. Они туда загодя своих баранов перегнали. Да не своих даже — колхозных... чтоб не с пустыми руками дёру дать. Но бригадир наш грозился: дескать, вожжи в руки возьмём, дак и за океаном достанем. Покажем кузькину мать. Дескать, не таким фармазонам лён ломали, и с этими, Бог даст, совладаем. А я вот думаю: даст ли Бог?.. Не отвернулся ли? Но надежды не теряю. Без надежды уж не жизнь, одни дожитки...»

* * *

В закатном зареве пылали избянные окна Боталы; по улице брело усталое стадо коров, оставляя после себя алый хвост пыли. А возле правления совещались бригадир с конюхом, и козел Борька вертелся возле мужиков. Бригадир, крылами разведя руки, словно борец перед схваткой, пошел на «Алена Далеса»; вырвал вывеску и кинул ее на землю, а козел Борька, чтобы выразить преданность Громобую, еще попрыгал на вывеске.

– Дед Бухтин, ты куда «Илью Муромца» заховалял?.. Тащи. Власть переменялась.

– Эт мы махом. Одна нога здесь, друга там, – конюх порысил на задний двор правления и вскоре вернулся с вывеской "Скотоводческий колхоз имени Ильи Муромца".

Бригадир прочел и почтительно оглядел испоконную колхозную вывеску.

– Наш мужик – деревенский

– Из-под града Мурома, из села Карачарова... – пояснил конюх.

– Но-но, знаю, знаю... – кивнул бригадир. – О Русском царстве-государстве пекся денно и ночью...

– Верно... В былине, паря, так и говорил: «Я за веру стоял да Христовую, я за церкви стоял да за соборные»...

Конюх принес из колхозной подсобки молоток и гвозди, и мужики прибили вывеску к столбам палисада, а потом уселись на лавку, где бригадира поджидала гармонь.

– Но чо, дед, и сыграем и споем?

– Отчего бы не спеть?! Кто нам в Ботале мешат?!

Бригадир, пока не разыгравшись, не распевшись, пробежал по ладам, подыграл на басах и тихо повел:

Ты гармонь, гармошечка,
Развей тоску малёшенько...
Развей ты горюшко-тоску,
По дорожке, по песку...

А конюх подпел бригадиру в лад:

Ты играй, играй, гармошечка,
Мне сердце обогрей,
Чтобы это скучно времечко,
Летело поскорей

Бригадир весело покосился на конюха:

– Спелись мы с тобой, Мартемьян Иваныч. Придется брать тебя на телепередачу "Играй, гармонь" к нам нагрянет.

Конюх хвастливо вспеснул руками:

– Ой, да я, Громобюшко, такое могу отчебучить, все со смеху пропадут.

Бригадир усмехнулся:

– Не помрем, дед, ежели со смеху будем помирать... Так что, дед, собирайся на "Играй, гармонь". Сам Заволокин, паря, будет... Ежели наш талан не съел баран... – бригадир тревожно вздохнул

Ничо... – успокоил его конюх, – ты, Громобюшко, как врежешь на гармозее, я подпою, на балаалайке подыграю, дак нас на руках вынесут...

– И выкинут...

– Кого буровишь?! Выкинут...

Бригадир опять заиграл, припеваючи:

...Вспомним имя и фамиль,
И с гармошки сдуем пыль.
То ли это, то ли то,
Кто мы есть, откуда-то?
Эх, ребята, дел не счесть,
Денег нету, песня есть...

Конюх, козел Борька дружно подпели:

Живы будем, не помрем,
И сыграем, и споем.
Эх!.. И сыграем, и споем,
Живы будем, не помрем...

«Вот так, люди добрые, живем... хлеб жуем, а ино и посаливам... – говорил Мартемьян Иванович Бухтин, всенародно избранные конюх. Бог даст, и по-божески, по-руськи заживем... Но сомнение гложет: даст ли Бог?.. Не отвернулся ли? Но надежды не теряю. Без надежды не жись, одни дожитки...»

1993 год